ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
ЛЕТОС

Алексей Юрьевич Пехов

Летос

Серия «Синее пламя», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8481292
Летос: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-1858-9

Аннотация

Катаклизм расколол некогда Единое королевство на множество герцогств. Магия уничтожила привычный мир, великие волшебники пали, герои поставлены на колени, и нищие сели на троны. Спустя тысячу лет после этих событий время смешало правду и ложь, подарив потомкам выживших нового бога – невежество.

Летос – мрачная земля на окраине искалеченного мира, где ночь приносит беду, а мертвые охотятся на живых. Именно в этом герцогстве сходятся пути героев, которые должны оживить мифы и легенды. Чтобы вспомнить прошлое. Или забыть его навсегда

Содержание

Пролог	5
Глава первая	18
Глава вторая	49
Глава третья	74
Глава четвертая	100
Глава пятая	116
Глава шестая	136
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Алексей Пехов
Летос

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Памяти Андрея Ширяева

Пролог

Тревожная тишина растекалась по уцелевшему центру города, словно молоко из бездонного кувшина.

Медленно и неумолимо она захватывала дом за домом, улицу за улицей, квартал за кварталом. Никто не мог избежать ее объятий, и вскоре перед ней пали прекрасные золотистые дворцы с башнями, облицованными синим мрамором; великолепные вишневые сады, купающиеся в белой пене цветения; изящные мосты, выточенные из слоновой кости; широкие солнечные террасы из теплого песчаника; грандиозные фонтаны; величественные статуи прежних герцогов и обелиски с альбатросами.

Конечно же альбатросы…

Их она оставила напоследок. И волшебные создания, распахнувшие крылья, сотни лет назад обещавшие этой стране свою вечную защиту, сдались. Их глаза погасли, а свет, излучаемый перьями, померк.

Теперь уже навсегда.

Весь город, начиная от портовых кварталов и заканчивая крепостью, что высилась на утесе, под самыми облаками, пожрало белое безмолвие.

Птицы не пели, потому что их больше не было. Не выли собаки – последние из них погибли еще до наступления тишины, оставшись вместе со своими хозяевами. Дети навсе-

гда перестали смеяться и играть в веселые игры. Из далекой, теперь уже не существующей гавани не доносился бесконечный и такой привычный портовый шум.

Молчали фонтаны, и бирюзовая вода перестала падать в прекрасные чаши отделанных розовым перламутром бассейнов. Молчал ветер, устав реветь в тщетной попытке докричаться до самих Шестерых. Молчало море, испугавшись своего недавнего безумства и грохота.

Оно, устыдившись собственной ярости, дрогнуло и отступило прочь, как можно дальше, обнажив серо-бурое дно, где среди грязи и водорослей трепыхалась умирающая рыба, распахивая рот в безмолвных криках агонии, а огромные алые крабы тщетно пытались забиться в расщелины морских скал, спасаясь от горячего ила.

Камни перестали трескаться и лопаться, вздыхать каждую секунду, словно живые, и потеки базальта на них затвердели большими каплями.

Тишина захватила город, устроившись в нем, точно завоеватель, и никуда не собиралась уходить.

Но внезапно ее потревожили.

За розовой колоннадой, ведущей к храму Шестерых, скрытому в большом парке, под холмом, раздались шаги, а затем легкое насвистывание.

Мужчина появился там, где лежала густая тень, вышел на солнечный свет и прищурился, сунув руки в карманы. Яркое солнце ослепило его, и несколько секунд он стоял не шеве-

лясь, давая глазам привыкнуть.

Затем повернулся на запад, глубоко вдохнул горячий, чуть пряный воздух и покачал головой. Там, на самом горизонте, за которым предпочло спрятаться море, стальными легионами скапливались черные тучи, собирающиеся нанести удар по обреченному городу.

Между бровей человека появилась едва заметная складка. Он не одобрял происходящее, и тучи, словно чувствуя это, споткнулись и замерли, врезавшись друг в друга. Огрызнулись далекими молниями, выругались громом, который из-за большого расстояния не был слышен человеческому уху.

И остановились.

Незнакомец довольно улыбнулся и отправился дальше, с любопытством поглядывая по сторонам.

От круглого здания библиотеки через светлую рощу вела дорожка, выложенная черно-белой плиткой. Она заканчивалась широкой лестницей, основание которой было украшено двумя вставшими на дыбы белоснежными крылатыми львами. Мужчина легко и непринужденно поднялся по ней, продолжая насвистывать песенку. Несмотря на крутой и долгий подъем, он даже не запыхался.

Прямо перед ним высилась стела из редкого темно-синего мрамора. Ее вершину венчал исполинский альбатрос.

Взгляд человека встретился с хищным взглядом огромной птицы, и мужчина, сняв с головы щегольской васильковый берет, отвесил монументу немного шутливый, едва иронич-

ный и толику насмешливый поклон.

Сейчас ему легко было смеяться над ним. Он постарался забыть ту боль, ту слабость, тот страх, что совсем недавно внушали эти стражи, помогая его врагу.

– Теперь вы прошлое.

Но птица не могла ответить ему.

Его привлек фонтан. Мраморные дельфины выпрыгивали из воды в пене и брызгах, а на их спинах восседали обнаженные девы с золотыми волосами, ничуть не похожие на холодных уин. На бортике лежал мертвый скворец с обожженными лапками.

Подчиняясь какому-то своему капризу, незнакомец склонился над ним, бережно взял в ладони и нежно подул на уже остывшее тельце. Он кинул трупик в небо, точно камень, высоко и далеко, и птичка, замахав крылышками, поспешно полетела прочь.

– Так-то лучше. – Губы непрошеного гостя тронула улыбка.

Дальше пришлось идти в обход – купол прекрасного здания, служившего казармой герцогской гвардии, провалился внутрь, убив всех, кто в этот момент находился там.

Потребовалось довольно много времени, чтобы обойти район, но он ничуть не расстраивался, так как любил город, который когда-то считал своим домом.

Рынок Жемчужных слез – самая знаменитая ювелирная улица севера – сейчас пустовал. Часть лавок была разбита,

и из перевернутых лотков по земле рассыпались украшения, в том числе и знаменитые золотые жемчужины. Он даже не посмотрел на сокровища, равнодушно прошел мимо, будто под ногами лежала грязь.

Наконец человек оказался в яблоневых садах, окружавших дворец, который, казалось, был соткан из лучей солнечного света, морской пены и бирюзы. Его называли самой прекрасной постройкой в мире, и даже старые эйвы, которые видели многое из того, о чем не догадывались люди, выходили из своих лесов и шли тысячи лиг, чтобы посмотреть на чудесное творение рук асторэ.

Но человек не любовался им. Здание олицетворяло все то, что он ненавидел так долго.

Яблони только-только начинали зацветать. Мужчина протянул руку к ближайшей ветке. В одной-единственной точке время ускорилось в миллионы раз – и вот уже перед ним висит красивый плод с алой, немного восковой кожицей.

Он сорвал его, небрежно потер об рукав замшевой куртки, откусил и, миновав тенистую аллею, наконец-то вышел к дворцу. Площадь в виде полукруга раньше была заставлена статуями, которые сейчас упали со своих постаментов и раскололись. Голова прекрасного юноши-лучника, откатившаяся далеко от плеч, с немым укором смотрела на незнакомца, словно зная, кто виноват во всем, что здесь происходит.

Ворота во дворец оказались сорваны с петель, но проход был обвит стальной колючей лозой, толщиной в руку взрос-

лого мужчины. Когда незваный гость приблизился, она напряглась, натянулась, выпуская ядовитые шипы.

– Не стоит сражаться за того, кто проиграл, – с угрозой произнес мужчина.

Лоза задрожала, точно колеблясь, и, приняв решение, с металлическим скрежетом уползла в сторону, открывая вход в легендарные залы, нежно-розовые, словно морская раковина, поднятая с глубины и заключенная в хрусталь и бирюзу.

Здесь гулял легкий ветер, проникший внутрь из разбитых окон и распространявший по помещениям чуть сладковатый аромат персиков. Лишь иногда на своем хвосте он приносил едва уловимый запах едкой гари, крови и магии – призраков событий, которые здесь произошли.

Человек безошибочно находил дорогу в пустых залах, коридора и холлах. Он знал этот путь наизусть, тот снился ему множество раз. Незваный гость так долго этого ждал, что теперь шел медленно, наслаждаясь каждым шагом, каждой секундой своего горького триумфа, пускай никто и не мог этого оценить.

Наконец он оказался на самой вершине дворца, в огромном помещении, пол которого треснул от удара, а великолепная роспись на потолке превратилась в разноцветную кляксу, словно чья-то рука вылила все краски в одно ведро и перемешала.

Витражи в высоких окнах были выбиты, и мелкие ост-

рые осколки, налившиеся кровью, лежали на полу, словно миллионы льдинок. Портьеры сгорели, статуи разрушились, дальняя стена обуглена и в одном месте прожжена насквозь. Через это рваное отверстие в зал проникал длинный, точно копье, луч света. В нем в медленном хаотичном танце кружились снежинки.

Они появлялись из ниоткуда и исчезали в никуда. Делая воздух холодным и острым, точно нож.

Целым здесь остался лишь трон, вырезанный из причудливой глыбы хрусталя, украшенной сложным орнаментом. На троне, облокотившись о высокий поручень, сидел человек. Его левая рука оказалась целиком вплавлена в минерал, лишенная возможности пользоваться магией. Он был еще не стар, с очень светлыми, льняными волосами. Голубоглазый, с аккуратной бородой, разделяющейся на конце на две ровные половинки. И решительным, пускай и сильно уставшим лицом.

Какое-то время мужчина на троне разглядывал вошедшего, затем с гневом процедил:

– Поздравляю.

Гость впился в яблоко белыми зубами, и все его напускное дружелюбие исчезло. Больше он не веселился и не улыбался. Глаза стали колючими, злыми.

– Я пришел. Как и обещал когда-то.

– Долго же ты шел. – В голосе скованного слышалась издевка. – А те, кто был с тобой, кто предал меня, так и не до-

брались сюда. Ты последний. Как и я.

Тот в ответ хмыкнул, медленно двинулся вдоль стены зала, хрустя рассыпанным под ногами стеклом:

– Шаутты уничтожены и рассеяны. Больше демоны не будут служить тебе. А без них… Я думал, ты сильнее.

– Я тоже. – Казалось, что сидящему на троне больно от одной только мысли о том, что он проиграл. – Асторэ хорошо выдрессировали тебя.

Пожатие плечами.

– Тебе не стоило ее убивать. И я бы никогда не вспомнил дорогу назад. И не принял их помощь. Ты сам это начал.

– Она была врагом. Асторэ. Ее народу не место в нашем мире. Не место среди нас. Не в моей школе! Волшебство принадлежит лишь людям.

– Некоторые из них были людьми куда больше, чем мы с тобой.

Мужчина на троне рассмеялся:

– Их слова – яд, и он проник в тебя. Асторэ лживы и сделают все, чтобы вновь касаться истинного волшебства, а не грязи, которую они вынуждены черпать с той стороны. Даже подсунут одну из своих шлюх моему ученику.

Копье солнечного света, бьющего сквозь брешь, погасло, и в углах зала залегли грозные тени. Иссиня-черные, похожие на клубы дыма, в которых угадывались человеческие очертания. Они начали вставать с колен, но в тот же миг исчезли, растворились в дневном свете, а лицо гостя разгладилось. На

нем больше не было ни капли гнева.

– Не стоит так говорить о ней… учитель.

Голубоглазый покачал головой:

– Я тебе не учитель, враг. Ты продал и меня, и мое искусство. Пошел на меня войной ради красивых глаз. Как же прикажешь мне о ней говорить?

– Как о своей ученице. Ведь она ею была.

– Пока я не узнал правду. В ней кровь тварей! Им запрещены знания! Шестеро…

– Идиоты! – выплюнул гость. – Их запреты привели нас ко всему этому. Сколько тысяч погибло из-за их ошибки?

– Не тебе говорить о тысячах. Она обманула меня. Ела мой хлеб, жила в моем доме, пользуясь гостеприимством. Касалась знаний, которые были для нее под запретом. Я сделал то, что должен был сделать ты, глупый мальчишка! Ни Арила, ни Нейси не должны были передать мое наследие своим!

– Ты так боишься этого, – с печалью сказал гость. – Так страшишься легенд, старых сказок о наступившей тьме, что сам впустил ее в наш мир.

Он поднял с пола тяжелую, выкованную из черного железа латную перчатку с острыми гранями, и из-под его пальцев пошел темный дым. Они оба смотрели на этот предмет какое-то время, пока наконец гость не убрал его в сумку.

– Где был твой разум, о мудрый? Это худшее, что ты мог придумать. Ты сам толкнул меня к асторэ, когда заключил

сделку с шауттами. Только дурак, чтобы испугать лису, запускает в курятник леопарда. У демонов нет союзников. Ты куда большая тьма, чем я.

Голубоглазый провел языком по губам:

– Что ты с ней сделаешь?

– Превращу во что-нибудь прекрасное. А затем спрячу так, чтобы никто и никогда ее не нашел. Как ты убедил Нейси воспользоваться ею?

– Боль хорошая причина, – мстительно усмехнулся сидящий на троне.

Гость кивнул, просто отмечая, что услышал, принялся смотреть на летающие по залу снежинки. И хозяин дворца наконец не выдержал:

– Те, кого остановили Шестеро, всего лишь используют тебя.

– Я не марионетка асторэ.

– Они нашептали тебе прийти сюда! – Мужчина на троне в бессильной ярости сжал кулак правой руки.

Ученик с печалью покачал головой:

– Тогда кто нашептал тебе позвать демонов с той стороны? Ты обезумел от страха из-за спящих теней и сам пробудил их, дав шауттам власть, какой у них не было со времен Темного Наездника и Битвы на бледных равнинах Даула. Они уже в нашем мире, и города юга тонут в крови. Заключить договор с ними глупо и недальновидно. Демоны не держат своих обещаний. Ты разрушил все, что окружало тебя. Ней-

си, Гвинт, Кам, Войс, Лавьенда, все они мертвы! И ради чего?! Ради твоих страхов?!

Светловолосый подался вперед, нехорошо усмехаясь, отчего его красивое лицо сразу же преобразилось и стало отталкивающим, если не сказать отвратительным:

– Мы одинаковые. А магия той стороны бурлит в твоей крови. Я же вижу. Что ты будешь делать, когда она захватит тебя?! Великий волшебник станет пустым. Ты добьешь этот мир.

Ученик склонил голову:

– Ты прав. Я тоже болен мраком.

– Я рад!

– Не сомневаюсь.

– Ты ненадолго меня переживешь!

– Ошибаешься, учитель. Когда мы закончим, я откажусь от магии.

Теперь хозяин дворца смотрел на пришедшего с недоверием:

– Ты… откажешься от самого себя?

Тот рассмеялся:

– Шестеро сделали это, когда поняли, что, обманув асторэ, собственными руками создали шауттов. Я сделаю это, чтобы не дать им власть над собой. Великие волшебники могут уничтожить мир куда быстрее, чем демоны. А я его слишком люблю. Люблю… то, что осталось. Ты так ничего и не понял. Волшебство… – Он взмахнул рукой, и воздух задро-

жал. – Это ничто по сравнению с ее смертью. Я с легкостью забуду о магии. Будь она проклята вместе с тобой, раз из-за нее столько гибели и страданий. Мои друзья, моя семья, моя вера, все они умерли из-за твоего страха.

Человек на троне осмысливал сказанное, но понял он совсем иное:

– Все мои труды пойдут прахом. Ты – последний. Если я исчезну, а ты отречешься, дар, который оставили нам Шестеро, исчезнет.

– Шестеро забрали волшебство у асторэ. А я заберу его у людей. Таких, как ты и… я. Мы с тобой станем прошлым. Легендой. Мифом. Страшной сказкой.

– Ты не посмеешь!

Горький смех был ему ответом:

– Не тебе теперь говорить, что я смею, а чего не смею, учитель. Все, кто оказываются рядом с нашим даром, умирают. Сегодня я остановлю смерти.

– А кто остановит тех, кто приходит к нам с той стороны? Асторэ? Между ними и шауттами давно нет никакой разницы. И не останется никого, кто мог бы их победить! Одумайся! Наш мир изменится. Все уже никогда не будет прежним! – закричал человек на троне.

– Выгляни в окно, учитель. Ты уже изменил мир. Единое королевство уничтожено. Эпоха Процветания завершилась. Грядет Эпоха Забвения. Миру пора меняться. Жить. Дышать полной грудью, а не по нашей указке. Я сделал то, чего не

мог сделать ты. Дал ему свободу.

– Свободу! – выплюнул тот. – Ты вернул в него лишь боль, страдания и ужас перед грядущим.

– Это всего лишь часть жизни. Я понял это, когда ты убил ее. А теперь твоя смерть стучится в дверь. Прислушайся.

Он ушел, и его шаги пропали, растворившись в тишине. Она продолжалась, возможно, минуту, а быть может, и час. И закончилась в тот момент, когда в город на огромной волне вернулось море.

Оно стало концом прошлого мира. И началом будущего.

Глава первая
Акробат

Любимцу толпы, трюкачу, акробату
до смерти над смертью ходить по канату,
в пустых небесах деревень и столиц
плясать над прибоем восторженных лиц[1].

Песня уличных цирков герцогства Соланка

– С дороги! – хмуро произнес Кин, мастер по жонглированию гирями, когда Тэо преградил ему путь.

– Ты мне еще спасибо скажешь. Остынь, – с миролюбивой улыбкой попросил черноволосый акробат, не двинувшись с места.

– Или что?! – с вызовом спросил тот, сжав большие кулаки. – Вы с Хенрином попробуете меня остановить?

Тэо был высоким, жилистым, крепким малым, ничуть не похожим на низкорослых акробатов большинства бродячих цирков. Кроме гибкости и ловкости в нем имелось достаточно силы, чтобы считаться с его словами. Но Кин не сомневался, что одолеет этого ловкого угря один на один и с его приятелем-фокусником легко справится.

Силач был мужиком не робкого десятка, он порой заме-

[1] Здесь и далее – стихи Андрея Ширяева.

нял больных борцов и выходил в круг в одиночку против троих зрителей из зала.

– Ничего. Твой фургон рядом, и Суви смотрит на нас.

– Скованный тебя задери, парень! – проворчал детина.

Если жена узнает, из-за чего весь сыр-бор, она ему житья не даст.

– Подумай сам, – между тем продолжал увещевать Тэо. – Кулаками все равно ничего не решишь. Хочешь наорать на него и обозвать сволочью? Ну, так мы первые тебя в этом поддержим.

– Угу, – кивнул Хенрин, тощий черноволосый фокусник с тонкими усиками под носом, говоривший с сильным акцентом уроженца юга Дарии. – Но бить им рожи глупо.

– Ты видел, на что способны эти люди, – поддержал товарища Тэо, и его обычно улыбчивое, открытое лицо стало хмурым. – Хозяин нанял себе в охрану каторжников. Они мать родную убьют. Помнишь, что случилось с тем парнем, кукольником, когда он попытался украсть из фургона Малло серебряный подсвечник?

Кин очень хорошо помнил. Бедняге раздробили руки этим подсвечником, а затем выкинули на тракт, в самую метель.

– Я не кукольник, – все же прогудел силач, но уже както неуверенно, покосившись на свой фургон. – Не доходяга. Проломлю им бошки, если полезут.

– Убьешь их? – негромко уточнил Тэо.

– Если придется.

– Мы в городе, не забыл? Власти не спустят такого, и тебя упекут в самый сырой подвал. А потом повесят. Думаю, это очень обрадует твою жену.

Аргумент был железный. Акробат всегда говорил складно, и в его словах звучали разумные доводы.

– Скованный с вами! – сдался Кин, и его могучие плечи тут же поникли. – Будь проклят тот день, когда я отправился в дорогу с этим дрянным балаганом! Мне надо кормить семью! А эта скотина… Да что там! Сами с ним говорите!

Тэо сделал шаг в сторону, открывая дорогу. Силач, сопя, прошел мимо, а акробат и фокусник направились следом.

Возле большого ярко-красного фургона, самого богатого во всем цирке, под фонарями собирался народ. Владелец передвижного цирка Малло, еще не старый, грузный, с редкими золотистыми волосами на висках, стоял перед собравшейся труппой и говорил на повышенных тонах:

– Не будет сегодня выплаты! Расходитесь!

– Как это не будет?! – звонко крикнула уже немолодая канатоходка Тилла, с которой Тэо частенько работал в паре три сезона назад, во время летних выступлений по городам северной Соланки. – Мы отыграли представление, и публики было достаточно. Где их деньги?

– А ты считай не зрителей, а монеты, которые они бросают. Тех было прискорбно мало.

– Бургомистр Тавера оплачивал выступление! – поддер-

жал Тиллу Калеб, новый кукольник. – В честь праздника.

На лице Малло появилось плохо скрываемое раздражение:

– А налоги? Вы забываете о них?! За то, что мы въехали в город, за то, что разместились на лучшей площади? Гильдии уборщиков, чтобы они убирали за нами. Мзда мошенникам, чтобы не трогали цирк. Купить еды льву и лошадям… – начал он нудно перечислять необходимые траты.

– Хватит, Малло! – оборвал его Тэо и вышел вперед под одобрительный ропот. – Все мы цирковые и прекрасно знаем, когда, сколько и кому платить. У тебя должны остаться деньги. И мы не собрались бы здесь, если бы ты зажулил их в первый раз. Но когда ты не платишь жалованье после пяти представлений, всем плевать на еду льву и лошадям. Нам, представь себе, тоже надо есть.

Владелец цирка нахмурился:

– Когда тебя выбрали главным, Тэо? Я должен отчитываться перед тобой?

– Перед нами! – поправил владельца цирка Хенрин. – Было бы неплохо, ну для разнообразия, чтобы ты наконец-то обрадовал труппу и выдал нам на карманные расходы.

– Это цирк уродов, фокусник! Люди в первую очередь идут глазеть на них. Потом на зверей. И только после на вас.

– Твои уроды лежат заспиртованные в банках и не просят жрать! – рявкнул Кин, вновь закипая. – Чем мне кормить жену и детей, сукин сын?! Твоими гомункулами, мумиями

и куклами?!

Словно ощущая угрозу, за спиной Малло появилась троица мордоворотов-охранников.

– Если самое важное в твоем цирке диковинки, то пускай они смешат, поют песни, метают ножи и жонглируют, – предложил Тэо. – А мы не станем, раз наша работа тебе не нужна.

Его слова нашли горячую поддержку.

– Вы все подписали контракты! – между тем возмутился владелец цирка.

– Где написано, что нам будут платить после каждого выступления, – напомнила Тилла. – Пружина прав. Пока не отдашь причитающееся, пусть вкалывают твои уроды.

– Я думал, мы семья. Думал, вам важно выступать и радовать публику, – с деланой обидой произнес хозяин бродячего цирка.

Цирковые встретили эти заявления дружным хохотом.

– Ты нанял нас в конце зимы, в Лавеге. За такой срок никто не становится семьей, особенно когда родственников то и дело обманывают. – Тэо сложил руки на груди. – И да, нам важно выступать и радовать публику. Но наша работа ничем не отличается от любой другой. За нее следует платить, Малло. Возможно, заспиртованные уроды тебе об этом не рассказывали. Так послушай меня. Никто не будет корячиться, рисковать жизнью и здоровьем ради пустого удовольствия. Наш труд стоит денег. Научись его ценить или отправляйся к Скованному. Больше мы не станем работать на тебя бес-

платно.

– Верно! – крикнула Мари. – Я ухожу. Сам корми проклятого льва!

– И мы тоже! – раздались голоса.

Некоторые даже повернулись, чтобы уйти.

– Ладно! Не надо горячиться! – сразу пошел на попятную Малло, поднимая руки в миролюбивом жесте. – Я найду деньги. Заплачу все, что должен.

– Когда? – негромко спросил Тэо.

– Завтра.

– Нет. Сегодня. Через час.

– Что?! – возмутился тот. – Ночь на дворе.

– А ночи в Варене темны и опасны. Кто поручится, что к утру тебя не ограбят? Тогда вся труппа опять останется без монет. Через час. А Кин с ребятами посторожат, чтобы никакой воришка к тебе не залез.

Малло скрипнул зубами, посмотрел с ненавистью и выдавил из себя:

– Хорошо. Сегодня.

– Думаешь, он так это оставит? – Хенрин стоял возле колеса фургона, кутаясь в тонкий выцветший плащ. Лето заканчивалось, и в герцогстве Варен ночами уже было прохладно. – Малло та еще тварь. Больше своих уродов он любит лишь деньги.

Тэо сидел на ступеньках, и его светло-ореховые глаза пыт-

ливо изучали бледные звезды, совсем недавно выступившие на небосводе.

– Ты прав. Я встречал таких людей, – негромко ответил акробат. – Затаят зло, ударят, когда этого не ждешь.

– Пора нам искать другую труппу. – Фокусник отряхнул штаны. – Прежде чем произойдут неприятности и нас выкинут в метель. Уходим прямо сейчас.

Тэо дернул бровью и остался на месте, не торопясь следовать за товарищем:

– Обычно поспешные поступки тебе не свойственны.

– Я все обдумал. Ловить здесь уже нечего, это совершенно понятно. Дальше будет только хуже. Цирков много. Всегда найдем работу.

И снова Тэо даже не пошевелился, лишь напомнил:

– В Тавере у нас осталось одно дело.

– Я позаботился об этом еще днем, пока ты балансировал на канате.

Акробат выпрямился, посмотрел недоверчиво:

– Нашел покупателя так быстро? Серьезно? И сколько дает?

– Десять марок[2], – понизил голос Хенрин.

– Неплохо.

– Неплохо?! Клянусь Шестерыми! Это лучшая цена, ка-

---

[2] **Марка** – золотая монета, используемая на территории герцогств. 1 марка равняется 20 серебряным рен-маркам. Каждая рен-марка равняется 80 ултам, мелким разменным монетам.

кую только можно было получить!

Тэо чуть улыбнулся. Он знал, что его приятель не прав, в той же Рионе знакомые коллекционеры дали бы по крайней мере в три раза больше. Но сейчас они в герцогстве Варен, а не в Треттини. Северяне совсем иные люди. И чего уж теперь портить товарищу настроение, когда все решено. Акробат был не из тех, кто сидит да жалеет об упущенных возможностях. Он предпочитал двигаться вперед и находить новые.

Фокусник щелчком большого пальца отправил ему золотой кругляшок, Тэо ловко поймал монету.

– Это аванс. Остальное, когда принесем находку. Нас ждут через час в таверне «Злобный слепень».

– А вот это мне уже не нравится, – нахмурился Тэо. – Поздняя встреча в какой-то дыре.

– С каких пор тебя пугает ночь? – усмехнулся ловкач. – Ты же не маленькое дитя, верящее, что во мраке скрываются шаутты. Да и таверна лучшая в городе. В такие места нас, бродячих артистов, в другое время в жизни бы не пустили.

– Вот уж о чем я точно не буду жалеть, – пробормотал акробат, в задумчивости кулаком потирая левую скулу, что обычно означало тревогу. – Кто покупатель? Благородный?

– Нет. Купец и антиквар.

– Если он скупщик краденого, то еще не поздно остановиться.

Тэо ненавидел рискованные предприятия. Точнее, ту их

часть, которая связана с криминалом. Он ежедневно готов был рисковать жизнью, делая сальто на плохо натянутом канате, но этот риск был разумен и обоснован. В отличие от связей с кем-то вроде Ночного Клана, давно раскинувшего сети не только в Пубире, но и во всех герцогствах. Старый Квио, его первый учитель и владелец одного из лучших странствующих цирков, частенько повторял мальчишке, мечтающему стать акробатом:

– Можно вызвать из небытия асторэ, можно заключить сделку со Скованным. Это гораздо безопаснее, парень, чем водить шашни с Ночным Кланом. Мы цирковые. Мы семья. Они же крысы, продающие трупы собственных родичей и жрущие их, когда наступает голод. Связываться с ними себе дороже. Подобные люди без жалости уничтожат любого, если перейти им дорогу.

Фокусник тем временем возмутился:

– Нам дали аванс!

– Вернем его.

– Скованный с тобой! Хенрин никогда не отказывается от золота. Не беспокойся. Покупатель – антиквар с хорошей репутацией и серьезными клиентами. Понимающий в вещах эпохи Единого королевства. Я за него ручаюсь.

– Будь по-твоему. – Акробат встал со ступенек и вошел в фургон.

Тот был рассчитан так, чтобы здесь жили шесть, а порой и восемь человек. Целый передвижной дом, который в разное

время был спальней, столовой, складом инвентаря и гримеркой.

Летом душный, зимой холодный. Пропахший потом, артистической краской и тем множеством людей, что жили в нем, сменяя друг друга, многие годы. Тэо и Хенрин делили его с четверкой трюкачей из Савьята. Задиристыми, веселыми парнями, все время влипающими в драки.

Спальная полка акробата была самой верхней, под потолком, сделанным из плотной льняной ткани, пропитанной соком деревьев Туманного леса, где, по слухам, в былые времена жили мифические эйвы. Сейчас полка, как и все остальные, была пристегнута к стене, чтобы увеличить внутреннее пространство помещения.

Тэо повернул деревянную защелку, опуская свою кровать с тонким соломенным матрасом вниз. В стене обнаружилась небольшая ниша, в которой едва-едва помещался сложенный вещмешок. Акробат не любил зависеть от предметов и обрастать барахлом, предпочитая путешествовать налегке. Годы жизни в дороге и соседство с разными людьми научили его: не стоит привязываться к тому, что ты считаешь ценным. Оно крайне быстро и неожиданно для тебя может перестать быть твоим.

Хенрин забрал сумку, она была гораздо больше, чем у Тэо, из-за того, что там хранились важные для фокусника безделушки – коробка с двойным дном; «волшебная мантия» из ткани, которая не горит; мягкие шарики, для того что-

бы они исчезли из ладони; шелковый платок; цветные веревочки; металлические кольца, спаянные между собой; нож с лезвием, прячущимся в рукоятку, и много другое.

Они не сговариваясь вышли на улицу, и Тэо подумал о том, что балаган уродов, в отличие от других цирков, в которых ему довелось работать, так и не успел стать его домом. Он с самого начала знал, что это временная мера, что следует возвращаться на юг, искать старых знакомых, готовиться к новому сезону, а может быть, рискнуть, понадеяться, что герцог забыл о его отказе, и выступить в Рионе в начале следующего лета, на глазах у самой лучшей и самой взыскательной публики страны.

Возле фургона, поглаживая мелкую рыжую собачонку, их дожидалась Суви, жена силача Кина. Массивная, приземистая женщина с покатыми плечами и крепкими руками. Она была некрасивой, даже отталкивающей, но доброй, и Тэо с ней ладил. Рядом стояла ее старшая сестра Сай – упитанная, уже успевшая поседеть, немного похожая на лягушку.

Сай работала в цирке предсказательницей и гадалкой, но того особого и редкого дара, что позволяет людям видеть будущее, у нее не было. Она надувала простаков и становилась общительной только во время работы, за столом, перед хрустальным шаром. В другое время из нее нельзя было вытянуть и слова. Порой женщина молчала днями, до тех пор пока цирк не приезжал в новый город и не надо было начинать забирать медные ульты у наивных жертв.

– Решили уйти не попрощавшись? – Суви подняла на них темно-серые глаза.

– Не люблю слезливых расставаний, – улыбнулся Хенрин, закидывая сумку на плечо.

– Как будто по вам станет кто-то рыдать, – проворчала та, опуская на землю собаку, которая со звонким лаем забегала по кругу, радуясь свободе. – Я сказать пришла. Спасибо, что остановили моего дурака. Он частенько сперва делает, потом думает… Куда вы теперь?

– Еще не решили. – Тэо вложил в ее широченную ладонь золотую марку. – Купи детям еды, если этот жулик так и не выдаст денег.

– Я не могу, это много… – запротестовала та, но вернуть монету у нее не получилось.

– Конечно можешь! – беспечно отмахнулся Тэо. – Это всего лишь деньги! Здесь и на теплую шаль для Сай хватит.

– Сай, скажи что-нибудь, – подтолкнула свою неразговорчивую сестру Суви. – Это ведь ты твердила, что тебе сюда надо прийти.

Та поежилась и неохотно, не глядя на них, произнесла довольно писклявым голосом:

– Уезжайте. Как можно дальше и скорее. Ночь не даст вам ничего хорошего, мальчики.

Хенрин ухмыльнулся, хотел сказать о том, что предсказания актрисы, которая играет гадалку, довольно забавны, но не стал:

– Конечно. У нас именно такие планы.

– Скажите всем, что мы желаем им удачи. – Тэо направился прочь первым.

– Еще увидимся, – помахал двум женщинам Хенрин и пошел следом за товарищем.

Сай лишь печально покачала головой, глядя ему в спину.

– У тебя богатая душа, Тэо.

– В смысле?

– Целую марку подарил, – с неодобрением произнес фокусник и тут же добавил: – Конечно, это твои деньги, трать как считаешь нужным. Но полновесный золотой…

– Монеты нужны для того, чтобы их использовать, а не хранить в кубышке.

– В своей жизни я встречал довольно много людей, которые говорили точно так же, как ты. Вместо того чтобы скопить на безбедную старость, они пускали сбережения по ветру. Или ты хочешь убедить меня, что о будущем не думаешь и собираешься сверзиться с каната и расшибиться в лепешку о мостовую ради доставления примитивной радости зевакам? – с иронией спросил Хенрин.

– Я не падаю с каната, – резонно возразил ему Тэо, и это было абсолютной правдой. – Это здесь?

– Да.

Таверна «Злобный слепень» Пружине понравилась сразу. Большое четырехэтажное здание, окутанное теплым све-

том, с хорошим просторным подъездом, чистой территорией, большой конюшней и множеством слуг. Вокруг респектабельные дома зажиточных горожан. Никаких темных переулков, грязных притонов и развалившихся сараев окраин.

Акробат был уверен, что здесь нет ни клопов, ни блох. Никто не подсунет кислого вина, мяса умершей на дороге лошади. Или собаки. Никто не воткнет стилет в почку и не свернет нос во время пьяной кабацкой драки.

Все чинно и благородно. Для людей, знающих себе цену и не испытывающих нужды в марках.

Разумеется, их остановили у входа. Двое вежливых охранников. Удивительно вежливых, особенно если оценить их габариты и то, как были одеты гости.

– Мест нет, – сказал один Хенрину. – Если желаете хорошую кухню и пива, вниз по улице до «Пляшущего огня». Там будут счастливы путникам. И цены добрые.

– Я бы с радостью последовал твоему совету, но нас ждут здесь, – так же вежливо ответил фокусник. – Господин Талед Гор назначил нам встречу.

Охранник распахнул дверь:

– Сразу бы сказали, господа. Прямо до лестницы, последний этаж. Он снял кабинет для деловой встречи. Дверь с вырезанным на ней кабаном.

Пока они поднимались по широкой дубовой лестнице, Хенрин смотрел по сторонам, довольно улыбался да пораженно хмыкал, изучая стоящие на перилах кованые пузатые

фонари.

– Когда-нибудь и я так заживу, приятель. Чудесная одежда, красивая девка, подобострастные слуги и полный кошелек прекрасных золотых монет.

Тэо, в отличие от товарища, окружающая роскошь, ковры, бархат и хрусталь не удивляли. Он выступал не только на уличных площадях, но и в богатых домах, а однажды даже во дворце герцога Треттини, и вдоволь насмотрелся на роскошь, которую считал даже более бесполезной вещью, чем конский навоз. По мнению акробата, позолоченные панели на стенах и чаши, выточенные из горного хрусталя, – это бездумная трата марок обожравшимися золота богатеями. И деньгам можно было бы найти применение намного разумнее и полезнее.

Оказавшись на этаже, Хенрин без стука распахнул дверь, на которой искусным мастером был вырезан свирепый, дышащий паром вепрь, настоящее исчадие той стороны.

– Вы удивительно пунктуальны, – сказал толстый человек с красным лицом и блестящим от пота лбом.

От Тэо не укрылся внимательный взгляд, одышка и то, с какой осторожностью тот ставит ноги, подходя к ним. Словно был не уверен, что дубовый пол выдержит его немалый вес.

– Люблю, когда продавцы оправдывают ожидания. Это твой друг?

– Да, господин Гор.

– Хорошо. Хорошо. Садитесь. Вино. Фрукты.

Он пригласил их к столу, где стояла ваза с фруктами, а также несколько бутылок игристого савьятского вина с этикетками, на которых был нарисован лев – символ этого герцогства.

– Если вы голодны, я могу заказать что-то более существенное, – подмигнул антиквар, и его огромный живот заколыхался, словно бы в предвкушении всех блюд и деликатесов, что умели готовить повара чудесной таверны.

– Благодарим, но это не стоит вашего беспокойства, – ответил Тэо, подходя к окну и глядя на крышу соседнего дома.

Хенрин с удовольствием налил себе вина, предложил товарищу. Акробат, которому с детства внушали, что пьянящая ягода мешает концентрации и портит координацию, едва заметно качнул головой, отказываясь.

– Могу я взглянуть на находку? – Антиквар потер ладони.

Фокусник подвинул тяжелое блюдо с фруктами, освобождая место, с улыбкой, немного театрально, как он привык, когда показывал один из своих чудо-номеров, положил на стол тяжелый сверток.

Господин Гор машинально вытер полные ладони об одежду, развернул тряпку, извлекая на свет статуэтку девушки, сделанную из темного металла. Ее одежда напоминала туман – столь невесомой и воздушной она казалась. Руки сложены, пальцы переплетены в какой-то сложной фигуре, правая грудь обнажена. Головы у статуэтки не было – она ока-

залась отколота.

Покупатель громко цокнул языком, и Тэо не смог понять, чего в этом звуке больше – удивления или скепсиса. Он следил за тем, как пухлые пальцы покупателя осторожно касаются фигурки, поднимаются от ног все выше и выше, по складкам одежды, по плоскому животу, на мгновение замирают на груди. Было видно, что руки от статуэтки антиквар оторвал с некоторым усилием.

Он достал из внутреннего кармана камзола чехол, извлек из него тяжелую оправу, в которую было заключено крупное, хорошо отполированное стекло, поднес его к глазу, придирчиво изучая товар.

– Ты был прав, Хенрин, – сказал господин Гор, когда Тэо уже подумал, что тот заснул над своим стеклом. – Старая работа. Год не определю. Возможно, первое десятилетие после Катаклизма. Каноническое изображение Арилы, обманувшей Скованного и наказанной им за это. Вы ведь знаете легенду?

– С детства не люблю сказки об асторэ, – улыбнулся Хенрин. – Предпочитаю деньги.

– Конечно. – Антиквар хотел протянуть кошелек фокуснику, но явно вспомнил, что у некоторых людей этой профессии слишком ловкие руки, и сам стал извлекать из него золотые монеты и укладывать в столбик перед друзьями. – Две марки вы уже получили как задаток. Вот еще восемь. Все верно?

Он дождался кивка Тэо и вновь стал ощупывать покупку, словно желал обнаружить скрытую пружину. Делал он это поспешно и немного суетливо. Хенрин забрал себе четыре монеты, ребром ладони подвинул оставшиеся товарищу, и тот убрал заработок в маленький, незаметный кармашек на поясе.

– Жаль, что статуэтка не целая. Я дал бы большую цену, если бы вы нашли голову, – пробормотал антиквар.

Тэо внезапно стало противно смотреть, как потные пальцы лапают девушку, не пропуская ни одной ложбинки и выпуклости, и он кивнул партнеру, показывая, что пора уходить.

– Где вы ее откопали?

– Далеко, – немного хмурясь, ответил акробат.

– Не думал, что это такая тайна. – Покупатель вытер рукавом потный лоб.

Хенрин встал, и в этот момент дверь распахнулась от резкого толчка, с грохотом врезалась в стену, и в кабинет ворвались люди. Первый вошедший сразу бросился к Тэо, но тот опередил его – сильным ударом в лицо свалил на пол.

Однако больше сделать ничего не успел. Острие четырехгранного короткого клинка впилось ему в кадык, и циркач застыл, понимая, чем грозит сопротивление.

– Проткну как лягушку! – хрипло предупредил его тип, правая щека и лоб которого оказались изуродованы шрамами, которые остаются у людей после огненного поветрия.

– Спокойно. – Тэо поднял руки вверх, показывая, что не собирается совершать глупости. – Не стоит спешить…

Тот, кому он дал в лицо, лысый ириастец, судя по его чуть раскосым глазам, встал и нанес короткий, но болезненный удар в живот акробату.

– Тварь!

– Хватит! – раздался резкий окрик, и больше ударов не последовало.

Тэо умел справляться с болью, в труппах всегда удивлялись, почему он почти не чувствует ее после изнурительной тренировки, неудачного падения, драки или ожога. Остается на ногах, смеется и шутит. Вот и сейчас он выпрямился, ощущая, как слабо ноет в животе и отступает тошнота.

Здоровый детина в плаще могучей лапой прижал тщедушного Хенрина к столу так, что у того покраснело лицо. Еще двое в камзолах, при узких мечах и в шляпах с перьями, стояли у дверей. Тот, кто остановил избиение – рыхлый, невысокий, с рыжеватыми волосами и тяжелой нижней челюстью, благоухал духами и держал в руках кружевной батистовый платок.

Он был ровесником Тэо, но выглядел лет на пятнадцать старше. С высокими залысинами, тяжелыми складками в углах рта и животом, который не мог скрыть даже просторный камзол из дорогой дарийской ткани. В свете фонарей и свечей она искрилась, стоило ему лишь пошевелиться.

– Господин Гор, надеюсь, я не опоздал?

– Вы как нельзя вовремя, милорд.

Благородный поднял вверх два сложенных пальца, и один из мужиков у дверей бросил на стол тяжелый кошелек, гулко звякнувший при приземлении.

– Это компенсирует ваше время и лояльность моей семье.

Антиквар суетливо и не слишком умело поклонился, забрал деньги, с сожалением посмотрел на вожделенную статуэтку и, ничего не говоря, вышел. За ним сразу закрыли дверь, и один из слуг предупредительно подвинул стул для милорда.

Тот сел, несколько секунд разглядывал товарищей, затем предложил:

– Присаживайтесь.

Громила тут же отпустил Хенрина, и тот закашлял. Лысый острием оружия показал Тэо на свободную табуретку.

«Вот тебе и приличная таверна», – подумал тот. Против шестерых с оружием сделать он все равно ничего не мог.

– Знаете, кто я? – негромко спросил благородный.

– Нет, господин, – ответил Хенрин и охнул, получив от здоровяка неожиданную затрещину.

– Милорд! – поправил тот фокусника.

– Я Иан Эрбет, сын Язева Эрбета… – Поняв, что это имя циркачам ни о чем не говорит, лишь хмыкнул. – Всегда тяжело общаться с приезжими, не так ли, Клаус?

– Да, милорд, – поддержал господина черноволосый, похожий на волка мужчина в широкополой высокой тараший-

ской шляпе.

– Вы приходите в Тавер, но совершенно не соблюдаете приличий. Знали бы вы, как я устал от этого, – с печалью произнес Иан Эрбет.

– Если мы что-то нарушили, то лишь по незнанию, милорд, – вежливо ответил Тэо. – Мы ни в коей мере не желали оскорбить вас или вашего достойного отца.

Человек прищурился:

– Неплохая речь для бродячего артиста. Но, к моему сожалению, незнание законов города не освобождает от ответственности. И наказания. Я с самого детства не люблю, когда у меня воруют.

– Вы ошибаетесь, милорд, – ровным тоном ответил Тэо, думая о том, что в такой нелепой ситуации он еще ни разу не оказывался. – Я не вор.

Иан Эрбет рассмеялся, и его смех послушно подхватили слуги.

– О да. Ты всего лишь бродячий дурак, пляшущий на веревке для неразборчивых деревенщин. – Улыбка пропала с полных губ благородного господина почти так же внезапно, как и появилась. – Но скажи мне тогда, почему эта бесценная вещь здесь?

– Мы нашли ее.

– Где?

– Заброшенный карьер на окраине Тавера.

– Вот как. – Мужчина откинулся на стуле. – И почему же

искать стали там?

– Часть песчаной стены обвалилась после дождя, под ней я увидел старую кладку, – неохотно ответил Тэо. – Тонкие обожженные кирпичи. Обычно в таких местах попадаются интересные вещи.

– В наблюдательности тебе не откажешь, артист. – Господин Эрбет подвинул статуэтку к себе. – Обожаю редкие предметы ушедших эпох. Теперь ты понимаешь, насколько я зол из-за вашего воровства?

– Разве земля принадлежит вам, милорд? – быстро спросил Хенрин.

– Карьер находится в городской черте. А все, что есть в Тавере, принадлежит моему отцу, а значит, и мне. Мы хозяева этого города. И, взяв что-то, пускай оно и пролежало в земле тысячу лет, вы взяли у нас.

Фокусник вздохнул и, понимая, что проще отдать проклятую находку, чем лечить сломанные ребра и ноги, смиренно произнес:

– В таком случае я и мой товарищ приносим свои извинения за это недопонимание. Мы не хотели оскорбить вас. И просим принять статуэтку в качестве дара.

– О, это очень любезно с твоей стороны, – с нехорошей усмешкой протянул господин Эрбет. – Подарить мне то, что и без того принадлежит мне.

– Чего вы хотите, милорд? – хмурясь, спросил Тэо. – Компенсации?

– Вот! – обрадовался благородный. – Вот что я хотел услышать! Ты сообразительный малый, циркач. Компенсация. Это хоть как-то исправит ситуацию, из-за которой я по вашей милости пропустил чудесную пьянку. И получу я ее… вот прямо сейчас.

Он указал пальцем на Хенрина.

Тэо пропустил удар, вздрогнул, когда на его щеку попали горячие капли крови, а затем, взревев, попытался вскочить. Но не тут-то было. Сразу двое слуг, тяжелых, массивных, словно медведи, повисли у него на плечах, прижали к табурету, зафиксировали руки.

Акробат боролся, напрягая мышцы, одновременно с обоими, каждый из которых был тяжелее его, справиться не смог. Ему оставалось лишь рычать от ярости и отчаяния, точно загнанному в ловушку зверю, видя мерзкую ухмылочку благородного ублюдка, сидевшего напротив.

Он сражался до тех пор, пока кровавая пелена не растеклась перед глазами и стало понятно, что сопротивляться не имеет смысла.

Наконец его отпустили, но он чувствовал, мордовороты стоят за спиной, намереваясь вновь скрутить, если он позволит себе хоть один резкий жест.

– Может, вина? – участливо поинтересовался господин Эрбет. – А то ты как-то побледнел.

– Благодарю, – хрипло произнес Тэо, чтобы потянуть время.

Хлопнула пробка, лысый слуга сперва налил хозяину, затем пленнику. Тэо смотрел, как темная алая жидкость льется в бокал. Уж чего-чего, а пить ему сейчас совершенно не хотелось.

Страшный удар шипастой дубинки проломил череп Хенрину, и теперь фокусник, навалившись на стол, заливал его кровью. Лужа из-под головы мертвого растекалась все больше, уже коснувшись основания статуэтки.

Господин Эрбет пригубил напиток, вытер уголки губ платком, небрежным жестом указал на труп:

– Он явно думал, что я расстанусь с вами просто так. А все совсем непросто, артист. Отпускать людей, которые украли у тебя, – проявление слабости. А человек моего положения не может себе позволить быть слабым. Сразу теряешь уважение.

– Тогда почему вы не убьете меня?

– А ты так спешишь на ту сторону? – поднял тот едва видимые брови и, не дождавшись ответа, победно улыбнулся. – Так я и думал. Знаю такую породу людей, как ты. По глазам видно, что хочешь жить.

Он подвинул статуэтку к себе, не обращая внимания на кровавый след, оставшийся на столе. Протянул руку, в которую слуга вложил сверток, развернул его, и Тэо увидел, что это голова, отлитая из того же металла, что и его находка.

– Я обнаружил ее в том же карьере. Больше десяти лет назад. – Эрбет осторожно пристроил свою часть сокровища к

шее, раздался глухой стук, словно камень ударился о камень.

– Хм… – Прищурившись, благородный господин осмотрел восстановленную статуэтку. – Удивительно. Даже трещины не осталось. Держится, словно ее заново отлили.

Он попытался разъединить собранное, напряг руки, но у него ничего не получилось.

Тэо впервые видел Арилу такой. Он привык, что лицо девушки всегда скрыто полумаской. Здесь же она приветливо улыбалась, словно встретила старого друга, и акробат невольно отметил, насколько красивой ее делает улыбка. Ради такой, пожалуй, можно было пробежать над пропастью, уничтожить Грим-ар-дэн, северный оплот шауттов, а затем развязать Войну Гнева.

– Прекрасна, не так ли? Но не хватает одного нюанса. Именно из-за этого ты все еще жив. Оправдай мои надежды, артист. Скажи, что я ищу?

– Маску.

– Обожаю не ошибаться в людях. Каноническое изображение Арилы – девушка в маске. Как каноническое изображение Скованного – мужчина в плаще, из-под которого виднеется оборванная цепь. Тиона никто не может представить без веера, Нейси без меча, Гвинта без крысы, Лавьенду без зеркала и так далее. Можно перечислить хоть всех великих волшебников. У них есть символы. А символ Арилы – маска. Так ее изображали наши предки, так рисуют, отливают и лепят до сих пор. Понимаешь ли, циркач, по легенде, никто

не должен видеть ее лицо. Чтобы она не могла искусить, как искусила Тиона. Я же считаю, что у первого скульптора не хватило фантазии изобразить Арилу и он попросту спрятал ее лицо за маской. Все остальные лишь глупо повторяли за ним.

Тэо было все равно, что считает этот человек, к тому же Арила не искушала своего мужа, но он кивнул, соглашаясь с такой версией.

– По маске всегда можно определить мастера и год, когда создали работу.

Тэо прекрасно знал и это.

– Без такой важной детали Арила не представляет для меня интереса. Поэтому твоя жизнь зависит от правильного ответа на простой вопрос: куда вы дели недостающую деталь?

Акробат облизал языком пересохшие губы и сказал осторожно, словно ступая по тонкому льду:

– Мы нашли лишь тело, милорд.

Господин Эрбет нахмурился:

– Тело? Боюсь, я ошибся. Твое желание жить не так уж и сильно. Завтра в сточной канаве найдут не один, а два трупа!

– Стойте! – быстро сказал Тэо, чувствуя движение за спиной. – Могу я взять ее, милорд?

– И что ты хочешь увидеть? – Благородный жестом дал своим слугам понять, чтобы не торопились.

– Если была маска, то, выходит, ее создали отдельно, лицо ведь цело. Значит, мастер должен был сделать крепежи. И

если их нет, то это воистину удивительная находка, милорд.

– Чем же?

– Возможно, вы являетесь владельцем первого и единственного настоящего изображения Арилы, которое сотворил ее современник. Тот, кто видел ее.

Его слова заставили господина Эрбета задуматься:

– Интересное предположение, не скрою. Особенно если отбросить факт, что Арила всего лишь миф, древняя сказка. Шаутты с тобой, артист. Рассматривай. Мне даже любопытно, как ты станешь уверять меня, что твоя теория верна.

Он протянул через стол фигурку с заляпанным кровью основанием. Тэо осторожно взял ее, с удивлением отметив, что металл едва теплый, хотя раньше так не было. На мгновение у него потемнело в глазах, и он почувствовал под лопаткой ноющую боль. Спустя секунду Пружина справился с нею, аккуратно, подушечками пальцев, ощупал голову, пытаясь обнаружить в роскошных густых волосах малейшую трещинку, за которую неизвестный мастер мог бы зацепить маску. Но ничего не находил.

– Милорд, я знаю о старых вещах, которые лежат в земле. Когда я еще был мальчишкой, в моем первом бродячем цирке один старик научил меня распознавать их. Он рассказывал множество историй. И уверял, что… Скованный! – Он отдернул руку.

– В чем дело?!

– Обжегся! Она горячая, милорд!

– Не мели ерунду! – Раздраженный господин Эрбет привстал, протянул руку к статуэтке, но схватить ее не успел.

Внутри прекрасной Арилы что-то щелкнуло, и металлические пальцы пришли в движение, сложившись в новую, еще более сложную фигуру. А затем в комнате погасли все свечи, словно кто-то резко подул на них, и свет остался лишь в двух висящих на стене бронзовых фонарях, огоньки которых были защищены стеклом.

Внезапно пламя в них задрожало, стало опадать, точно ему не хватало воздуха, но выпрямилось, мигнуло и сменило цвет на ярко-синий.

Тэо ощутил, как чуть сладковатый дым, который испускали фитили погасших свечей, щекочет ноздри, и ошарашенно смотрел на происходящее вокруг него.

– Невозможно! – наконец сказал господин Эрбет. – Мы не в Летосе! Твои фокусы, артист?!

Пружина хотел рассмеяться на столь глупое обвинение, но лишь покачал головой, не сводя взгляда с синего огня, о котором он столько слышал, но надеялся, что никогда не увидит. Благородного его молчание лишь разозлило:

– Шутить со мной вздумал?! Лок! Перережь ему горло!

Двое снова навалились на плечи, прижали руки к столу. Тот самый, кого Тэо свалил ударом в лицо, достал из ножен кинжал, шагнул к акробату.

– Последний шанс! Скажи, как ты это сделал! – заорал Иан Эрбет.

Дым от фитилей, тяжелым пологом висящий в воздухе, внезапно загустел, потемнел, «стек» на стол и закрутился вокруг фигурки девушки, стал ее волосами, упал плащом на плечи, сложился в меч, который держали хрупкие изящные руки.

Лок так и не успел ничего сделать. Краем глаза Тэо заметил, как нечто сотканное из теней, похожее на лохматого паука, бросилось человеку на спину, подмяло под себя, заглушив вопль. Упругий черный жгут мрака выстрелил из дальнего угла, схватил за щиколотку одного из тех, кто держал акробата, рванул на себя, с грохотом повалив на пол, а затем утянул под стол, из-под которого раздался один нескончаемый и бесконечный крик боли.

Второй мордоворот сам отпустил Тэо, сделав шаг назад.

В большой комнате разворачивался ночной кошмар. Крики, вопли, неразбериха, темные тени, оживающие по углам, тугой фонтан крови, ударивший в потолок.

Канатоходец оттолкнулся от пола, прогнулся назад, встав на руки, а затем снова на ноги. Сейчас он делал то, что подсказывало его тело. Обратный фляк[3], затем еще один, потом аэриал[4]. Ловко и быстро. Циркач двигался легко и пружинисто, сразу отпрянув от стола как можно дальше.

Черный жгут из мрака бросился ему наперерез, извива-

---

[3] **Фляк** – акробатический прием. Толчок с ног, запрокидывание назад, встать на руки, а затем на ноги.

[4] **Аэриал** – акробатический прием. Колесо, выполненное без опоры на руки.

ясь точно змея, блокировал дверь. Акробат резво отпрянул вправо, разминувшись с мечом уцелевшего слуги, взбежал по стене, сделал обратное сальто с одновременным вращением тела. Оказавшись на ногах, не раздумывая прыгнул прямо в окно, выставив перед собой предплечья, чтобы защитить лицо от брызнувших во все стороны осколков стекла.

В звоне приземлился на широкий карниз и взвился в воздух снова, на крышу соседнего здания, более низкого, чем постоялый двор.

Промелькнул узкий черный переулок, навстречу ринулась бордовая черепица, и Тэо, чтобы смягчить удар, сделал кувырок. Вскочил, обернувшись назад как раз в тот момент, когда с карниза следом за ним прыгнул человек.

Тэо хватило доли секунды, чтобы понять – неловкий толчок, грузная фигура, слабые ноги и неудачная траектория не дадут тому достичь желаемого.

Господин Эрбет ударился о крышу грудью, тут же соскользнул вниз, в последний момент уцепившись изрезанными руками за выступающее вперед перекрытие.

– Помоги мне, артист! – крикнул он, не в силах подтянуться. – Помоги, и я обо всем забуду!

Акробат, поколебавшись, шагнул к нему, приняв решение. Посмотрел на творожно-белое лицо, думая о том, что с Хенрином они были знакомы без малого два года, а теперь тот мертв.

– По глазам вижу, что ты хочешь жить, – произнес Тэо

фразу, которую не далее чем пять минут назад сказали ему, и с силой наступил на толстые пальцы.

Раздался короткий вскрик, а затем глухой удар.

Акробат не удержался, поднял взгляд, увидел на фоне синего прямоугольника окна силуэт. В следующее мгновение он уже что есть сил бежал прочь, легко перелетая с крыши на крышу, желая оказаться как можно дальше от таверны. Тэо думал, что его воображение слишком сильно разыгралось и человеком в окне никак не мог быть Хенрин.

Глава вторая
Сойка

Говорят, что раньше таувинов готовили в храмах Шестерых для защиты обителей от посягательств мэлгов, шауттов и детей белого огня – некромантов. Но вместе с Единым королевством рухнули и старые порядки. Ходят слухи, что один из рыцарей света продал свои знания Ночному Клану, предложил помощь и воспитал первых учеников. Защитники превратились в убийц. И так повелось из века в век. И в герцогствах появились те, кого стали называть сойками. А таувины ушли на восток. За Рубеж. В Пустынь. И не вернулись. Потому что стали не нужны в Эпоху Забвения.
Старые сказания

Яркий солнечный луч пробивался через все еще зеленую листву и теплой кроличьей лапой касался утренней дымки. Тэо проснулся с рассветом на окраине большой пущи, наполненной пьянящими запахами леса.

Каждая птичья трель, каждая капля росы, каждое пятнышко цветов, аромат травы и сырой земли, шершавость коры едва шелестящих старых деревьев были ему в радость.

Любое утро акробат начинал одинаково – он давал своим мышцам ощутить жизнь. Привычная, за годы ставшая

обыденностью схема: разогреться, затем растяжка, упражнения на развитие прыгучести, повторение основных приемов акробатики, которые тело выполняло легко и свободно. Он давно уже не думал, как следует прогнуться, оттолкнуться, приземлиться – как не думает во время охоты карифский кот, неподражаемый мастер прыжков и уверток, который, по мифам, был лучшим другом светлоглазой Лавьенды, старшей ученицы Скованного.

После акробатики начались силовые упражнения. Самые последние – на перекладине. Для них Тэо использовал висевшую над головой толстую ветку. С каждым подтягиванием и поднятием ног он чувствовал, как просыпается, как работают мышцы, как выступает пот на коже и ускоряется кровь, как радость жизни наполняет его до краев, прогоняя ночной кошмар, содержание которого циркач даже не помнил.

Тренировку он завершил, стоя на этой же ветке, подняв одну ногу, раскинув руки и закрыв глаза, медленно успокаивая дыхание. Плавный прыжок назад, поворот и мягкое приземление.

Поклон отсутствующим зрителям.

Солнечный луч попал ему на лицо, и акробат прищурился, а затем вернулся к раскатанному по траве одеялу. У него был хлеб, вода и несколько яблок. Последние он добыл прошлым вечером, проходя мимо садов одной большой деревни. И теперь собирался позавтракать перед долгой дорогой.

Тэо, известный во многих труппах как Тэо Пружина, связал свою жизнь с цирком едва ли не с пеленок. Он не знал, кем были его родители и откуда он родом. Светло-ореховые с золотой песчинкой глаза указывали на то, что его предки жили в Соланке, а высокий рост и бледная кожа, чем никогда не славились уроженцы южного герцогства, намекали на корни, теряющиеся в Алагории.

Когда у него спрашивали, какое герцогство является его домом, акробат отшучивался и говорил, что его родина – это дорога. По меньшей мере подобный ответ нельзя было назвать ложью. За свои двадцать семь лет жизни Тэо успел побывать в разных краях. Жизнь бродячего артиста, выступления перед публикой, как обычной, так и взыскательной, его полностью устраивали. Пружина обладал неоспоримым качеством бывалого путешественника – он редко унывал и старался в каждом дне находить что-нибудь положительное, пускай порой это удавалось с большим трудом.

Все свое детство он кочевал то с одной труппой, то с другой. Выполняя по большей части работу, которая ему не нравилось. Так было, пока старина Квио не заметил мальчишку во время больших представлений в Мерини. Он разглядел в тощем, нескладном ребенке талант, который затем раздул в пожар. Такой огромный, что о подростке, танцующем на канате, заговорили не только зрители на площадях, но и те, кто давно уже был в профессии. Многие считали, что у юного дарования большое будущее.

Квио обучил своего питомца всему, что знал. А тот благодаря своим способностям к четырнадцати годам стал акробатом, жонглером и канатоходцем. Бесконечно совершенствуясь в искусстве, которое считал своей жизнью.

Он действительно жил цирком, тяжелой работой, ощущением парения, того, что сам отвечает за свою судьбу, и та, словно чувствуя это, была к нему благосклонна. Любая неудача лишь укрепляла его желание совершенствоваться. Любая ошибка случалась лишь раз. Пружина больше никогда не повторял ее. Любая боль… впрочем, боли он почти не замечал.

Его любили и ценили. Зрители – за артистичность и бесконечную храбрость. Коллеги – за доброжелательность, осторожность в работе и четкое выполнение задач, которые он ставил для себя и для тех, с кем порой выступал в паре.

Был успех. Было внимание. Разумеется, у него имелось тщеславие. Пружина, как и все артисты, считал, что достоин аплодисментов, которые звучали, когда он с закрытыми глазами делал сальто на высоко натянутом канате. Но тщеславие никогда его не опьяняло. Парень прекрасно знал себе цену, поэтому не дурел, как многие другие, от славы и не жаждал перетянуть на себя одеяло, за что, кстати, его тоже ценили многие цирковые.

– Ты должен гордиться успехом! Наслаждайся им, парень, – частенько говаривал Квио, салютуя ему стаканом кислого вина. – Ты стал профессионалом. Люди видят твое

мастерство. Теперь тебе всегда придется доказывать, что ты лучший.

Он не хотел обижать старика и не спорил. Для себя Пружина понял одну простую, удивительную вещь – совершенно не обязательно доказывать каждому встречному, что ты лучший, особенно если и так об этом знаешь.

Поэтому молодой акробат делал то, что ему нравилось. И когда Тэо становилось скучно, он придумывал нечто новое.

В шестнадцать лет ему удалось поразить многих. Он исполнил свою давнюю мечту, оживил легенду, доказав в первую очередь самому себе, что сказка может быть реальностью. На праздновании свадьбы властителя Горного герцогства Тэо совершил то, что тысячу лет назад сделал Тион, – прошел между двумя башнями крепости Калав-имтарк, над водопадом Брюллендефоссен.

Подобное считалось невозможным. Никто не доходил и до середины из-за резких, неожиданных порывов ветра, сбрасывающих людей в далекую, затянутую водяным туманом пропасть. Но несмотря на это, каждый раз находился очередной глупец, пытавшийся повторить подвиг легендарного волшебника прошлого и срывавшийся вниз, на потеху толпе.

Когда Тэо сказал Квио, что сделает это, тот лишь руками всплеснул:

– Пружина, ты еще молод для таких глупостей!

– Я как раз дозрел до них, – резонно возразил тот.

– У ученика Скованного был волшебный веер! А что есть у тебя?

– Вера в свои возможности.

Его не смогли отговорить, а актеры из труппы, с которой он приехал выступать, и вовсе хотели запереть парня, спасая тем самым ему жизнь. Но будущая герцогиня, смуглая, темноокая карифка, узнала о том, что хочет сделать молодой циркач. Она слишком любила старые сказки и желала их воплощения. А быть может, была не против украсить свою свадьбу человеческой жертвой, которые, как говорили, порой приносились в герцогстве Кариф, когда на небе нет луны и Шестеро спят.

И Тэо ступил на канат, протянутый между небом и землей. У него, как и у Тиона, был веер, но в отличие от могучего артефакта этот не умел отражать темную магию шауттов и прятать своего владельца от зла.

Акробат шел не спеша, но и не задерживаясь. Люди из цирка Квио позаботились о том, чтобы грамотно натянуть канат, тот почти не провисал, но все же раскачивался, так что юноше приходилось все время регулировать свой центр тяжести и подводить его под опору. Он не слышал ругательств, смеха, свиста, подбадривающих криков и аплодисментов – яростный ветер и грохот белой смерти, что была под ним, полностью заглушали все звуки.

В какой-то момент Тэо стало казаться, что свирепый водопад бьется о далекие камни в унисон с его сердцем. Отзы-

ваясь на каждый удар, каждый шаг.

Он шел вперед, глядя на шипастую башню Калав-им-тарка, ту самую, в которой, по легенде, в плену демонов томились две сестры: Арила и Нейси. Двигаясь по направлению к зловещему силуэту, на камнях которого до сих пор остались ожоги от магии прошлого, акробат думал о том, каково тогда, должно быть, пришлось Тиону.

Первый ученик Скованного, раненный в долгом поединке, бежал по волшебной нити, которую с помощью силы сплела Арила из своих золотых волос, и отбивался от смертельной магии, что лилась на него вместе с дождем.

Тысячу лет назад Тион в одиночку выиграл поединок. И когда Скованный с Гвинтом примчались сюда, он уже спас сестер. Тогда никто из них не думал, что это был первый день конца Единого королевства и Война Гнева уже не за горами.

На середине «моста» подлый порыв ветра едва не отправил Тэо на встречу с костями неудачников, но он удержался, хотя, видят Шестеро, был на волосок от гибели. И продолжил идти дальше как ни в чем не бывало – маленькая фигурка, балансирующая между миром смерти и миром живых.

Когда он дошел, когда обе его ноги коснулись шершавого, теплого камня Западной башни, восторженный рев тысяч глоток на несколько мгновений заглушил разочарованный рокот Брюллендефоссена.

Люди просто обезумели. Они видели того, кто смог повторить подвиг Тиона, пускай шестнадцатилетний мальчишка и

не призывал себе на помощь магию. Зрители радовались так, словно Тэо только что спас их жизни.

– Может, и спас, – сказал ему вечером изрядно напившийся Квио. – От скуки и той серости, что их окружает. Радуйся, мой мальчик. Сегодня половина готова носить тебя на руках, а половина отдаться. Лишь бы хоть капельку прикоснуться к твоей удаче. Можно сказать, что я счастливейший из людей. Ты сидишь со мной, вдыхая этот перегар, вместо того чтобы веселиться и праздновать, как другие. Я провожу с тобой последние часы.

Тогда Тэо не мог добиться от старика, что он имел в виду. Понял лишь через несколько дней, когда новоиспеченная герцогиня прислала ему кошелек с двадцатью пятью марками и стальную брошь в виде грифа, символа герцогства Кариф. Знак ее благосклонности.

А затем на него посыпались предложения.

Несколько цирков, в том числе и такие известные труппы, как «Летающие львы Олька из Пьины» и «Золотые сердца мастера Фарли», предложили ему долгосрочные контракты на очень хороших условиях. Один из владетелей Лоскутного королевства пригласил выступить перед его семьей в следующий праздник Шестерых[5], а несколько городов прислали приглашения на фестиваль Возрождения[6].

---

[5] **Праздник Шестерых** – пятый день месяца Креста. По легенде, день, когда Шестеро получили магию от асторэ.

[6] **Фестиваль Возрождения** – двадцать девятый день месяца Дракона. Всеоб-

Предложения цирков он отверг и остался с Квио, еще не зная, что старик доживает последний год своей жизни. Они с успехом выступали целый сезон, путешествуя по Фихшейзу и Ириасте. Затем настали темные времена, и Тэо понял, что у него началась новая, взрослая жизнь.

В девятнадцать лет Пружина столь удачно выступил на фестивале в Рионе, столице Треттини, что его пригласили в герцогскую труппу, считающуюся одной из лучших в мире.

Но он вновь отказался.

Некоторые цирковые, узнав об этом, лишь крутили пальцем у виска. Они, в отличие от настоящих детей дороги и площадей, считали Тэо не только выскочкой, но и глупцом.

Потому что только глупцы готовы променять туго набитый кошелек, любовь богатых покровительниц и беззаботную жизнь, когда не надо думать о завтрашнем дне, на бесконечную дорогу, риск нарваться на разбойников, опротивевшие сельские площади и неблагодарные рожи голытьбы, которая не способна оценить истинное искусство мастеров.

Герцог был оскорблен отказом, и Тэо с тех пор приходилось объезжать Треттини стороной. Но он не унывал. Мир был велик.

Закончив завтракать, он скатал новенькое одеяло, закрепил на потертом вещмешке, закинул свою немногочислен-

---

щий праздник герцогств. День, когда на бледных равнинах Даула был побежден Вэйрэн Темный Наездник.

ную поклажу на плечо. Спина зудела, и акробат недобрым сном помянул комаров, которых ночью в пуще было предостаточно. Покинув место своего ночлега, он споро двинулся туда, где располагался старый тракт.

Пересек вброд мелкую речушку с медленной, маслянистой водой, испугав серую цаплю, охотившуюся на мелководье, и прежде, чем выйти на дорогу, постоял несколько минут, скрытый орешником.

С той ночи, когда погиб Хенрин, прошла неделя, и Тэо ушел от Тавера на приличное расстояние. Не то чтобы он боялся, что за ним будут вести охоту, но, прекрасно зная, как мстительны могут быть благородные, проявлял разумную осторожность. Сейчас его целью было достигнуть западного побережья Варена, а оттуда на корабле отправиться в Дарию.

Там он планировал найти себе новую работу. В середине месяца Журавля в столицу этого герцогства часто приезжало несколько цирковых трупп, и можно попробовать подписать с ними контракт. Обычно предложения всегда были.

По расчетам Тэо, на побережье он окажется не раньше чем через неделю. Если, конечно, не найдется желающий его подвезти или подарить лошадь. По своему опыту Пружина знал, что такие чудеса встречаются гораздо реже, чем шаутты под кроватью.

Вспомнив о последних, он на мгновение нахмурился, разом растеряв всю свою беспечность. Чем больше Пружина

думал о событиях той ночи, тем сильнее понимал, что случившееся невероятно. Акробат любил легенды, но считал, что они существуют сами по себе. Лишь на Летосе огонь меняет цвет на синий, но никак не на материке.

Но… на этот раз все было иначе. Он уверен – причина в древней статуэтке Арилы, вызвавшей с той стороны нечто убившее людей. Пружина видел в вязких кошмарах улыбающегося Хенрина с проломленной головой, но никогда не мог проснуться, мучаясь до самого рассвета.

Необъяснимое происшествие тревожило его, и сейчас акробат радовался, что теперь уже далеко и все можно забыть…

С одной стороны от широкой, пыльной дороги тянулся все тот же светлый, густой лес. С другой находились поля, на которых крестьяне собирали урожай. Тракт не был пустынным, но редкие встреченные путники направлялись на юго-восток, к Весто. Так что в сторону Прибрежного Тэо шел в полном одиночестве.

Стояла гнетущая жара, вокруг летали огромные злющие слепни, и на западе собиралась гроза. Дважды акробат останавливался у ручьев, чтобы напиться. Во время одной такой остановки его обогнала путница. Пружину она не заметила, а он, радуясь тому, что хоть кому-то с ним по пути, нагнал ее через несколько минут.

Женщина, услышав шаги, быстро обернулась и смерила незнакомца подозрительным взглядом. Он обезоруживающе

улыбнулся, в ответ разглядывая ее.

Среднего роста, жилистая, поджарая и немного сутулая, она словно состояла из одних острых углов. На вид ей было за сорок. Волосы, собранные в короткую косу, сильно поседели. Кожа загорелая и сухая, отчего становилось ясно, что она давно уже в дороге. Тонкая линия губ, резкие скулы, прямой острый нос с развернутыми хищными крыльями, узкий подбородок. Водянистые, почти бесцветные голубые глаза. Холодные, колючие и не слишком дружелюбные.

Одежда удобная и практичная – штаны из плотной ткани и латаная рубашка с широкими рукавами, какую носили небогатые женщины в Даворе. Но на даворку она не слишком походила, в седых волосах явственно поблескивала уходящая рыжинка – признак северной крови. В отличие от простой рубахи сапоги на ней оказались хорошие: мягкие, с тонкой подошвой.

– Меня зовут Тэо, – представился акробат.

Женщина сунула руку в висевшую на ее плече холщовую сумку, наверно держа кошелек и опасаясь, что ее ограбят, буркнула:

– Мне все равно.

Тот, понимая, что его присутствие тяготит ее, еще раз улыбнулся:

– Не хотел тебя напугать. Просто мы идем в одном направлении. Ладно, не буду задерживать. Удачи.

Она какое-то время недоверчиво смотрела ему в спину,

затем наконец отпустила сумку и медленно перевела дух, прижимая руку к виску, недоверчиво качая головой и хмурясь, словно сама себя не узнавая.

Акробат уже скрылся за поворотом, но женщина все еще стояла в одиночестве на пыльной дороге. Затем повернулась в ту сторону, откуда пришла, увидела всадников и опрометью бросилась прочь.

К лесу.

Она упала на колени и, наклонившись к ручью, начала пить. Быстро и жадно, точно олениха, утомленная долгим бегством от волчьей стаи. Глотая студеную воду, Лавиани не забывала прислушиваться, как это делают дикие звери в минуту опасности. Даже сейчас она была собранна и напряжена, понимая, что ничего не кончилось. Лишь краткая передышка.

Наконец оторвавшись от ручья, она вытерла мокрые губы рукавом бурой рубахи. Посмотрела на свое отражение, сказав ему тихим, неприятным голосом:

– Старая, потрепанная кошка. Все никак не сдохнешь.

Ей было пятьдесят три, в Нейкской марке ее уже бы считали глубокой старухой. Люди, живущие на границе с Пустынью, редко дотягивали до шестидесяти. Но для «старухи» Лавиани все еще оставалась сильной, проворной и выносливой, пускай и не такой, как в двадцать ее штормов.

Штормов… Лавиани хмыкнула. Она не вспоминала о том,

как отсчитывают возраст в ее родном герцогстве, уже много лет. И вот сейчас отчего-то забытое слово пришло на ум.

– Очень вовремя, Скованный меня забери, – пробормотала она и резко привстала, развернувшись на крепких, жилистых ногах в сторону ельника, из которого совсем недавно появилась.

Ей послышалось, что хрустнула ветка.

Выждав почти минуту, женщина поняла, что это всего лишь разыгравшееся воображение. Она расстегнула ворот рубахи, так что стали видны острые ключицы, стянула ее с себя, оставшись лишь в узкой повязке, поддерживающей грудь, и, отвернувшись к ручью, начала быстро мыться.

Плечи у Лавиани тоже казались острыми, как и выступающие под кожей лопатки, но стоило ей напрячься, когда холодная вода потекла по телу, как на спине стали видны мышцы, которые принадлежали отнюдь не старухе. Скорее девчонке-бегунье или метательнице копья из Алагории, герцогства, славившегося женщинами-воинами.

На теле Лавиани оказалось достаточно шрамов. В основном старых – бледных, едва видимых на коже. Но имелись и новые – широкие, розовые. Один, от удара стилетом, на левом боку, другой на правой лопатке, под татуировкой, изображавшей двух ярко-голубых бабочек, порхающих на фоне водопада.

Быстро ополоснув торс, Лавиани надела рубаху на мокрое тело, подхватила валявшуюся на мху сумку, перепрыгнула

через ручей и, не оглядываясь, устремилась под прикрытие деревьев.

Она не любила лес и не понимала его. Его приглушенный свет, шепот в кронах деревьев, крики птиц, растянутую над тропинками невидимую паутину, неприятно касающуюся лица, тяжелый запах гнилой листвы, нудный комариный зов. Это был чуждый мир для того, кто всю свою жизнь провел в городах юга.

Лавиани побывала во множестве из них. Они были ее миром, ее жизнью, ее охотничьими угодьями. Такой, как она, ничего не стоило раствориться в толпе, быть незаметной даже на самой пустынной улице и найти себе убежище среди холодных камней. Крыши и подвалы, переулки и площади, канализации, дома, амбары, лавки, карнизы, дворцы и храмы. Она планировала жить и умереть среди них, а не в дебрях безымянной пущи.

Сейчас женщина желала лишь одного – прикончить преследователей. А затем выспаться. Шаутты и все их посулы! Как же она хотела спать, проведя на ногах целую неделю! Не смыкая глаз, все время в движении и почти ничем не питаясь.

Но сон и еда подождут. Главная цель – вырваться из широкого кольца облавы, убраться как можно дальше, найти паром и отправиться на родину, которую она почти уже не помнит.

В Летос. В Проклятое герцогство, из которого ее увезли,

когда ей не исполнилось еще и семи.

Лавиани остановилась, присела на корточки, скрывшись за кустарником лещины. Точно зверь, сильно и протяжно втянула в себя воздух, чувствуя слабый запах чужого пота, который принес ей ветер, и неожиданно довольно оскалилась, сверкнув необычайно ровными, белыми и целыми для ее возраста зубами.

Через несколько мгновений она услышала пока еще далекие голоса.

– Кретины, – заключила женщина. – Тем лучше.

Они не скрывали своего присутствия, что означало только одно – это не люди Борга. Те, получив щелчок по носу, научились осторожности и больше не лезли очертя голову. Ждали, когда приедет Шрев и решит проблему раз и навсегда. Она же надеялась, что тот не появится. Ей не хотелось сталкиваться с ним.

А раз это не ребята Борга, то, скорее всего, они слабо представляют, кто она такая и в чем провинилась. Обычные охотники за головами, которых в мире пруд пруди.

– Пытаетесь вымотать меня, мальчики? – пробормотала она, оглядывая местность, уже заранее подмечая, как ей следует перемещаться.

Одна полоса кустарника, другая, затем ствол осины, далее в распадок, так чтобы камень прикрыл ей спину, а оттуда можно либо через жгучую крапиву, либо направо, к той лещине, густой и непролазной. Она сняла с плеча сумку, пих-

нула поглубже в заросли. Ее можно забрать после. Подгребла к себе побольше листвы, которая уже стала опадать, и затаилась.

Преследователей оказалось пятеро. Двое с луками, стрелы уже наложены на тетивы. Опыта Лавиани было не занимать, так что она сразу определила того, кто являлся самым опасным. Высокий дагеварец, шедший последним. На его плоском лице, от левого виска к глазу, а затем через щеку к бороде, тянулась ярко-синяя татуировка каторжника – фигурные и не слишком аккуратные узоры.

– Собак надо было брать, – сказал один из стрелков, глядя под ноги.

– А они у нас были? – глухо поинтересовался тот, что шел чуть левее, – уже немолодой, с лихо закрученными усами. – Слушай, друг, что вы так все переполошились из-за старой бабки? На кой она нужна людям из Пубира?

– Тебе платят, ты работай, – буркнул каторжник.

Немолодой остался недоволен ответом, но в пасть к косатке не полез. Лишь скривился, а затем громко охнул – метательный нож Лавиани угодил ему в живот.

Она, точно паук, сместилась вправо, запустив руку за спину и вытащив из узких ножен вторую, и последнюю, стальную пластину. Бросила, подвернув запястье, целясь в лучника, натягивающего тетиву, прыгнула за кусты мелкой дикой малины, даже не проверяя, попала или нет.

Знала, что попала.

Прижимаясь к земле, краем уха отмечая команды главаря, под прикрытием кустов добежала до дерева, которое приметила, спряталась за стволом, выглянула на мгновение и тут же отпрянула.

Второй лучник выстрелил, и смерть, всколыхнув ее волосы, прошла мимо. Лавиани сразу же бросилась в распадок, оставшийся после пересохшего ручья – мелкий, плоский, с дном, где засох и потрескался ил. Ей как раз хватило времени, чтобы преодолеть открытое пространство и спрятаться за камнем, когда воздух потревожила вторая стрела.

– Скованный! Да подстрели же ты ее! – рыкнул наемник с топором.

Он, в отличие от дагеварца-каторжника, предпочел остаться с товарищем. Бандит же начал смещаться влево, стараясь обойти жертву с фланга и перекрыть ей путь к отступлению.

Лавиани выглянула, просто для того, чтобы проверить реакцию стрелка. Та оказалась отменной, и, если бы не ее проворство, стрела угодила бы ей прямо в глаз.

– Шаутт тебя забери, женщина! – крикнул лучник. – Постой смирно!

– Что-то не хочется, – шепнула та.

Лавиани уже жалела, что поторопилась и первым прикончила другого стрелка. Рассиживаться на одном месте не входило в ее планы. Ничего хорошего от бездействия еще не случалось, поэтому она поползла на животе вперед, к орешн-

нику, в уме держа траекторию стрельбы, так чтобы камень продолжал прикрывать ее спину даже во время движения. Она порадовалась, что стрелок оставался таким же дураком, как и прежде, и не менял позицию.

– Я ее держу! – крикнул тот, все еще целясь туда, где она пряталась до этого.

Лавиани лишь усмехнулась про себя, встала на четвереньки, проползла еще ярдов десять, нырнула в кусты, стараясь двигаться аккуратно, чтобы как можно меньше тревожить ветки.

– Проклятье! Ее тут нет!

– А ты думал, она будет ждать, пока ты ее подстрелишь, точно рябчика, придурок?!

Женщина бежала прочь, и голоса отдалялись. У нее пара минут до того, как преследователи поймут, что она оставила прогалину, и вновь начнут гнать ее.

Лавиани, точно старая, опытная лиса, наперед знала, что они сделают и как. Понимала, эта троица не успокоится, пока не достанет ее.

Или она их.

Боясь заплутать и не найти дороги назад, беглянка остановилась, стала двигаться под прикрытием кустарника в обратном направлении, лишь чуть взяв в сторону. Через поляну бересклета, мимо гнилого пня, к приметным соснам.

Она все же немного ошиблась и выбралась ярдов на пятьдесят левее того места, где прошла схватка, оказавшись за

спинами тех, кто искал ее. К ее глубокому разочарованию, метательные ножи вытащили из тел и забрали.

Ей частенько везло на глупцов, но не в этот раз. Каторжник позаботился о том, чтобы в руки к ней не попало оружие. Они забрали все, а тетиву у лука мертвеца перерезали.

Лавиани лишь усмехнулась. Обойдется тем, что есть при ней. Она загодя достала из сумки и прикрепила на пояс нож с простой деревянной рукояткой. Узкий длинный клинок редко когда притягивал лишние взгляды. Для большинства в этом предмете не было ничего интересного. Обычный нож для разделки морского лосося.

Было лишь одно «но». Лавиани умела разделывать им не только рыбу. И свое искусство знала в совершенстве.

Ее немного потряхивало от возбуждения, когда она разувалась и снимала рубашку. Лучник, может, и тупой, но с глазомером у него все в порядке, и ей не хотелось выдать себя, а после остаться с застрявшим в ребре наконечником или же еще хуже – искать его в своих потрохах. Однажды она уже такое проделала и не то чтобы хотела оживлять те воспоминания.

Ее босые ступни не смущались ни острых палочек, ни старой крапивы, ни редких камушков. Лавиани ступала по траве мягко и нежно, едва тревожа ее. И когда оказалась за спинами своих преследователей, лишь улыбнулась.

Каторжник ушел чуть вперед. Было видно, что вся ситуация его злит. А сильнее всего злят «товарищи», топчущиеся

позади. Если лучник еще вертел головой, то парень с топором стоял самым последним, шагах в пятнадцати от остальных, и явно не горел желанием лезть на рожон.

Бледные, холодные глаза наблюдали за ними из укрытия, оценивая расстояние, поведение и ветер. Дагеварец сделал еще несколько шагов вперед, не замечая, что парочка наемников не спешит следовать за ним, и, проверив заросли, скрылся за деревьями.

– Может, к Скованному все это? – спросил мускулистый крепыш у стрелка. – Видал, как старуха Вито и Рыка прикончила?

– Если хочешь – иди, Дро, – не оборачиваясь, ответил лучник. – Но я не я буду, если не всажу ей стрелу в печенку. От меня еще никто не уходил. Даже такие мерзкие суки.

Лавиани глубоко вдохнула, ощущая, как бабочки ее татуировки затрепетали крылышками, а водопад бесшумно обрушил воду. Она в пять легких длинных прыжков оказалась возле Дро как раз в тот момент, когда он начал оборачиваться, занося топор для удара. По ее мнению, он двигался точно скованная патокой муха.

Лавиани была щедра к нему, широкий замах и сильный, точный удар прочертили тонкую алую линию под его подбородком. По тому, как прошел нож, как он вспорол плоть и вышел, она поняла, что перерубила третий шейный позвонок, оставив голову держаться на плечах лишь благодаря трапециевидной мышце.

Артериальная, пенящаяся кровь ударила в стороны, попав Лавиани на спину, когда она уже миновала все еще стоявшее на двух ногах тело.

Лучник громко крикнул, предупреждая каторжника, натянул тетиву и выпустил стрелу, метя ей под ключицу. Лавиани не стала отклоняться, ощущая ожог на правой лопатке в тот момент, когда одна из бабочек сгорела, а ее ярко-голубые крылышки унесло водопадом.

На мгновение «старуха» стала прозрачной, точно медуза, предоставив возможность удивленному лучнику увидеть все свои внутренности, от расширяющихся легких и сокращающегося сердца до серебристого ветра крови, бегущего по сосудам.

Ее тело приняло стрелу, пропустило через себя и вновь стало обычным, человеческим. Лавиани пружинисто оттолкнулась от земли, взлетела высоко в воздух, точно птица, видя, как противник тянется к колчану на поясе.

Она врезалась ему в грудь коленями, опрокидывая, и, когда человек упал на спину, скатилась с него, глядя туда, где скрывался подручный Борга. Лучник ее больше не интересовал – рыбацкий нож нанес всего два удара. Первый проник в спинной мозг, парализовав нижнюю часть тела, второй перерезал брюшную аорту.

У стрелка будет достаточное количество времени, чтобы успеть пожалеть о том, что он назвал ее «мерзкой сукой».

Каторжника в укрытии не оказалось, судя по следам, он

убегал. В другой день она бы его отпустила, но не сегодня. Лавиани понимала, что преследователи рассредоточены на огромной территории и не знают ее точного местонахождения. А этот человек может привести следом за собой целую свору цепных псов.

Она нагнала его на окраине пущи, двигаясь параллельно, то и дело припадая к земле и держа окровавленный по рукоятку нож обратным хватом. Он увидел ее слишком поздно, и меч просвистел рядом с Лавиани, срезав лишь кончик ее косы. Женщина из низкой стойки ткнула ножом в боковой треугольник шеи, поражая надключичное нервное сплетение, нейтрализуя руку.

Он еще был нужен ей живым.

Диагональным взмахом она неглубоко рассекла ему сухожилие над пяткой, ударила по ногам, заставляя упасть, обоими коленями опустилась на левую, неповрежденную руку, фиксируя ее, и приставила острое жало рыбацкого ножа к его глазу, сказав на жаргоне низших слоев Дагевара:

– Поговорим, ты?

– Мать твоя кормит скорпионов! – прошипел он дагеварское проклятие и захлебнулся криком, когда она выколола ему глаз, зажав рот рукой.

– Ц-ц-ц, – нежно прошептала она ему на ухо на его родном языке. – Думаешь, я тебя убью и так все легко закончится? Нет, мой маленький дурачок. Я вырву твой второй глаз и заставлю проглотить. Потом отрежу язык, уши и все то, что

найду у тебя в штанах. И сделаю так, чтобы ты не истек кровью. Поверь, я умею не только калечить, но и лечить. А затем отволоку тебя в муравейник и приложу все свое мастерство, чтобы ты жил до тех пор, пока муравьи не начнут выедать твой мозг через пустые глазницы. Ведь знаешь, на что способна такая, как я. Ты один из этих дураков знал. Поэтому и побежал, когда запахло жареным.

Она лгала. У нее нет ни времени, ни желания возиться с этим мясом. Но уже было видно, что это и не потребуется.

– Шрев достанет тебя, – простонал тот.

– Возможно. – Она резко ударила его по щеке, видя по зрачку уцелевшего глаза, как плывет его сознание. – Но ты уже будешь мертв к тому времени и станешь ждать меня на той стороне. Весь вопрос лишь в том, как это произойдет. Быстро и ножом или благодаря челюстям тысяч насекомых. Где Шрев?

Он тяжело дышал, борясь с болью, и она помогла ему, прижав большим пальцем точку на ладони. Каторжник всхлипнул, но сказал:

– Вчера еще был в Дарии. Сегодня должен пересечь границу. Ждет вестей от помощников.

– Кто они?

– Не знаю. Толстяк и девка!

– А здесь? Поблизости есть поисковые группы?

– Да. Одна. Шесть человек. Они где-то западнее. В полдня пути.

– Сколько вас всего?

– Достаточно. Чтобы прижать тебя и утопить в море, сойка, – мстительно произнес он.

– Я маленький китенок. Я не могу утонуть.

– Что? – Убийца, ставший жертвой, решил, что она безумна.

– Так говорила мне моя мать, – пояснила Лавиани, вонзая в него нож по рукоятку, даруя легкую смерть. – И она не кормит скорпионов, ты, ублюдок Скованного.

Глава третья
Не быть должником

Трижды я совершу для тебя добро в качестве платы за добрые дела. Ибо долги следует возвращать той же монетой, какую ты принял от дающего. В противном случае они утянут тебя на ту сторону. В лапы шауттов.
Из старой сказки герцогства Ириаста

К деревне она подошла после полудня, досадуя на то, что потеряла так много времени. Сперва ей пришлось обыскать трупы, забрав все имеющиеся у убийц деньги (всего-то четверть марки мелким серебром) и пару своих метательных ножей.

У каторжника в поясной сумке было письмо, но, к ее глубокому разочарованию, оно не касалось ее персоны, пришло не из Пубира, столицы Ночного Клана, а от его семьи. Поразительно. Даже у таких, как он, где-то была семья, чего не скажешь о Лавиани.

Затем она вернулась, забрав сапоги, рубаху и сумку. Шла к тракту по своим же следам. Лесная схватка съела у нее много сил, и Лавиани снова почувствовала голод. И даже порадовалась, что она не Шрев. Тот не погнушался бы мясом убитых им людей, если этого требовала необходимость, но она

была более щепетильна и понимала, что до некоторых вещей не опустится, даже если станет умирать от истощения.

Тракт пустовал, и Лавиани надеялась, что теперь у нее появилась передышка. Хотя бы пара дней, пока остальные не сообразят, что одна из поисковых групп пропала и беглянка проскользнула в открывшуюся брешь. Значит, можно не только поесть, но и выспаться.

В первом же деревенском доме она купила у работавшей во дворе крестьянки все имеющиеся куриные яйца.

Восемь штук.

Выпила здесь же, на глазах у удивленной женщины, одно за другим, меланхолично отбрасывая скорлупу в сторону и чувствуя, как приятное тепло расползается по спящему желудку.

– Хочешь колбасы или молока? – спросила крестьянка.

Лавиани покачала головой:

– Нет. Но еще от яиц не откажусь.

– Сколько нужно?

– Сколько найдешь. Но не больше двадцати.

Та, понимая свою выгоду, пошла по соседям, принесла шестнадцать. Радостно получила от сумасшедшей незнакомки серебряную рен-марку, не став говорить, что путница переплатила по крайней мере в двадцать раз.

Лавиани съела остальные яйца по дороге, небрежно давя скорлупу сухими ладонями. Она спросила у работавших в поле подростков, где здесь постоялый двор, не обращая вни-

мания на слепней, крутящихся вокруг нее, но так и не решившихся укусить. Ей махнули за высокую мельницу, крылья которой были выкрашены ярко-алым.

– Городок там. Оркес, – сказала улыбчивая пятнадцатилетняя девчонка, вытирая тыльной стороной ладони мокрый от пота лоб. – Большой постоялый двор для путников, следующих в Весто. Называется «Хмель и свинья».

– Большой? А поменьше и подешевле?

– Тогда «Маска Арилы». Он дальше, на окраине. Пройдете кладбище и храм Шестерых, в конце торговой улицы.

Она добралась до нужного места спустя час. «Маска Арилы» ее полностью устраивал. Непритязательный и, судя по всему, не слишком популярный. Все, что надо для того, чтобы хорошо выспаться и на тебя никто не обратил внимания.

Хозяин постоялого двора, хмурый, еще не старый мужик с большими кулаками, без всяких эмоций провел ее по внешней лестнице под самую крышу, показал темную комнату со скошенным потолком. Удивительно чистую и аккуратную.

– Как хотела. Самая дешевая и с отдельным выходом. Надеюсь, ты не собираешься убежать не заплатив?

Не желая его пристального надзора, Лавиани отдала деньги за жилье и еду заранее. Он убрал их в карман на фартуке, поинтересовался:

– Обедать будешь? Если нет, через час очаг остынет, разожгу уже к вечеру.

Лавиани хотела спать, но знала, что после такого длитель-

ного голодания стоит запихать в себя как можно больше еды.

– Яичницу сделаешь? Восемь яиц и мяса в нее.

– Бекон?

Она поморщилась:

– Если есть, то без жира. И воду. Кувшин воды.

– Сговорились вы, что ли? На воде много не заработаешь, – проворчал тот, но не стал настаивать.

Ушел, и она, пихнув сумку под кровать, слышала, как грохочут по ступеням его тяжелые шаги. Спустилась на улицу, вошла в открытую дверь, вдыхая теплый запах еды.

В прямоугольном зале, хорошо освещенном благодаря множеству окон, стояли отдельные столы. Людей было четверо, не считая помощника хозяина, занятого чисткой стойки от пролитого вина и жира.

Трое в дальнем углу, сдвинув головы, водили пальцами по карте. Она не слышала их разговора, но эти мужики не понравились ей сразу – дубленные трактом, все при мечах и кинжалах. Не простые путники, особенно если учесть, что на подоконнике у их стола лежали два арбалета для стрельбы с лошадей.

Четвертым человеком оказался встреченный ею на дороге высокий улыбчивый парень. Он сидел в одиночестве, щурил ореховые глаза и уплетал жаркое. Заметил ее, вежливо улыбнулся, вновь занялся едой, а Лавиани, пройдя в самый темный угол, усилием воли подавила раздражение.

Она не понимала, что с ней такое, но руки просто чеса-

лись, так ей хотелось убить его. Сойка едва не сделала это, когда они встретились. Уже взялась за лежавший в сумке нож, но ее остановила его доброжелательность и то, что он ушел прежде, чем она все окончательно для себя решила. Но тогда женщина сочла, что незнакомец мог оказаться одним из людей Борга.

Теперь же беглянка понимала, что это не так, но в ее груди нарастала просто физическая боль, так ей хотелось прикончить этого… Тэо. Ни разу в жизни Лавиани не испытывала ничего подобного и всегда подходила к своей профессии так, как ее учили – спокойно и без лишних эмоций. Она умела убивать, мучить и калечить, но в отличие от некоторых других соек никогда не делала этого без причины.

А теперь у нее нет никакой разумной причины бросаться на человека. И поди ж ты. В висках ломило от желания прикончить его прямо сейчас.

– Скованный тебя забери, рыба полосатая, – буркнула она себе под нос, опустив взгляд на стол, чтобы не видеть неприятного ей человека. – Надо было сразу лечь спать. Совсем безумная стала.

Помощник хозяина постоялого двора принес ей кувшин воды и маленькую кружку из светлой глины. Она выпила половину, дожидаясь еды, сидела сцепив пальцы и нет-нет да посматривала на человека, который вызывал в ней столь странную бурю эмоций.

Он походил на алагорца, вот только глаза ее смущали. Ко-

гда на них падало солнце, радужка казалась светло-золотистой, как хороший кулийский бренди, достаточно пролежавший в бочках из-под аринийского вина.

Она не могла разгадать его род занятий. Крепкий, мускулистый, но в то же время стройный, с невероятно пластичными движениями. Эту особенность Лавиани заметила еще при первой встрече, что сильно ее насторожило: опытные южные мечники двигаются так же, как и он, – с прямой осанкой, гордо посаженной головой, мягко и плавно, точно перышко, летящее по ветру.

Руки большие, но пальцы слишком изящные и длинные, чтобы Лавиани могла сказать, что человек занимается каким-то тяжелым трудом. Такие могли бы принадлежать художнику или музыканту, если бы этот Тэо был чуть более хрупок.

Фехтовальщик? Нет. Не похоже. Не тот взгляд. Да и оружия при себе нет.

В висках вновь заломило, и она скрипнула зубами, помянув шауттов.

На ее счастье, наконец-то принесли большую чугунную сковородку, шипящую, все еще плюющуюся маслом, с яичницей и мясом. И она начала есть.

– Вкусно? – поинтересовался помощник и ушел от греха подальше, когда на нем остановился раздраженный взгляд ее холодных глаз.

Она могла бы ему сказать, что уже много лет не разли-

чает никаких вкусов и с таким же аппетитом могла бы жевать грязь или коровий навоз. Лавиани просто знала – чтобы жить, ей надо есть. Хотя бы время от времени. А вкус – дело десятое.

Она бы могла еще много чего рассказать этому дураку про себя, но предпочитала молчать и желала лишь одного – чтобы к ней не лезли.

Тэо снова поморщился – ночные укусы комаров все еще давали о себе знать, левая лопатка зудела невыносимо. Когда в зал вошла женщина, которую он встретил по дороге сюда, Пружина не очень-то и удивился. Она узнала его, но не подала виду, лишь нахмурилась сильнее и забилась в самый дальний, темный и неуютный угол.

Акробат видел, что она устала и раздражена, поэтому не стал пытаться возобновить знакомство. Остался на месте, отхлебнул воды, раздумывая, как ускорить свой путь к морю. Предчувствие советовало ему как можно быстрее покинуть герцогство Варен, а он привык ему доверять. Оно не раз спасало его на канате.

От Тэо не укрылось, что женщина украдкой разглядывает его, возможно все еще считая, что он покушается на ее никому не нужную сумку. Вздохнув, акробат собирался встать и подойти к ней, чтобы объяснить наконец, что он не разбойник с большой дороги и не представляет для нее угрозы. Но ей принесли заказ, и он решил повременить, пока женщина

ела с таким видом, словно ее вот-вот должно было стошнить.

С улицы пришел человек в запыленной одежде. У него были густые баки, переходящие в бороду, скрывающую слабую челюсть, лохматые брови, зеленые глаза и скошенный нос, словно его кончик отрезали ударом меча. Дорожная одежда путника достаточно пропиталась белесой пылью, чтобы понять – едет он издалека.

Человек не глядя кинул плащ на стул, стоявший напротив Тэо, и, прежде чем тот успел поинтересоваться, чем тому не нравятся свободные столы, которых в зале оставалось еще пять штук, незнакомец отошел к стойке, дал монету появившемуся хозяину, приказав:

– Пива.

Ему тут же наполнили высокую кружку, так что светло-коричневая пена горкой поднялась над ней. Путник вернулся к столу, сел напротив акробата. Мельком глянул на него, увидел поднятые брови и ответил на не прозвучавший вопрос:

– Прости, приятель. Вижу, что свободных столов много, но предпочитаю свое любимое место. Выпью и поеду домой. Работа, забери ее Скованный, наконец-то закончена. Меня зовут Зим, – неожиданно представился он, протянув руку. – Зим Два Вдоха.

У него был легкий, чуть певучий акцент уроженца Лоскутного королевства.

– Тэо. – Акробат нехотя пожал ладонь нового знакомого.

– Тэодор? Имя как у жителя Соланки, но ты не больно-то

похож на дельфина[7]. Давай. Спроси меня.

– Спросить о чем? – удивился тот.

– О моем прозвище. Обычно оно всех интересует. Ладно. Сам отвечу. Потому что я обычно даю людям пару раз вдохнуть прежде, чем убью их.

Ответ Пружине не понравился, как и странное знакомство, и он небрежно спросил:

– И часто ты убиваешь?

– Очень редко, – довольно ответил тот. – Только глупцов и упрямцев.

– Странно. Один мой знакомый говорил, что именно из них состоит мир.

Зим захохотал пуще прежнего, отхлебнул пива.

– Ладно, мне пора. – Тэо встал из-за стола.

– Пока ты не ушел, приятель. Не мог бы ты мне помочь?

– Помочь в чем? – Этот тип с каждой секундой нравился ему все меньше.

Зим отстегнул моток веревки, висевший у него на поясе, небрежно кинул на стол:

– Будь добр, сооруди петельку и накинь себе на шею. А я пока пиво допью.

– Не слишком смешно.

– А я не шучу. Тебе привет от Язева Эрбета, акробат. Сынок у него помер, вот он и хочет узнать подробности у тебя. Люди снизу видели, как вы скакали по крышам. Но у благо-

---

[7] **Дельфин** – символ герцогства Соланка.

родного это что-то не слишком удачно вышло. – Человек заговорщицки подмигнул.

Лицо у Тэо окаменело, и он сжал кулаки. Его все-таки нагнали и нашли, стоило позабыть об осторожности и решить, что опасность миновала.

– С виду ты парень умный, циркач. Поэтому прежде, чем начать крутить колесо, показывать фокусы и жонглировать шариками, выслушай мое предложение. Тебе повезло, что я нашел тебя первым. Другие охотники, что рыскают сейчас по тракту, не так дружелюбны. Они бы сунули тебя в мешок, сломали пяток ребер, а быть может, и руки с ногами и привезли Эрбету котлету. Я же добрая душа. Поэтому такой уговор. Ты натягиваешь петельку, и мы мирно идем к лошадям. Я везу тебя пред светлые очи старого богача. Уж не знаю, что он с тобой будет делать, я всего лишь выполняю заказ. Ну, так вот. Во время путешествия, пока ты не начнешь дурить, я буду с тебя пылинки сдувать и кормить как следует. Тебе, может быть, даже понравится.

Тэо уже все решил. Он чувствовал, как женщина наблюдает за ними и слушает разговор. Зим не собирался скрываться и говорить тихо, уверенный в своих силах.

– Твой пряник горчит, ловчий. Но давай, расскажи мне о кнуте.

Зим осклабился, отсалютовал ему кружкой:

– Говорю же. Ты умный парень. Начнешь артачиться, раздроблю тебе оба колена и… пожалуй, локти. Мне приказано

привезти тебя живым, но насчет целости уговора не было. А теперь посуди сам. Быть может, ты убедишь Эрбета, поплачешь с ним в обнимку, принесешь извинения и уйдешь от него на своих двоих. Поверь, такое порой случается. Так не лучше ли от него все же выйти, а не уползти?

Акробат усмехнулся:

– Боюсь, разочарую тебя, если ты вдруг счел, что я отправлюсь на заклание добровольно. Думается мне, я справлюсь и с тобой, и с твоим дурным прозвищем.

Тот отставил кружку, посмотрел на акробата оценивающе:

– Ну с виду ты парень крепкий. Но все же вряд ли одолеешь нас четверых.

Тэо медленно обернулся, видя, что троица воинов за соседним столом уже стоит на ногах и один из них держит взведенный кавалерийский арбалет, пока что направленный в пол.

Он не сомневался, что в одиночку положит Зима на обе лопатки. Но не когда того поддерживают три крепких, вооруженных бойца. Тэо сделал вид, что разумно оценил свои шансы, со вздохом сел на место и взял веревку, начав сооружать на одном из ее концов петлю со скользящим узлом.

– О как. Не глупец и не упрямец. – Зим развел руками. – Парень, да ты подарок самих Шестерых. Мы станем с тобой лучшими друзьями на все время нашей долгой дороги.

Акробат знал, что дружба эта продлится чуть больше минуты. Как раз столько, чтобы арбалетчик понял, что опасать-

ся нечего. Некоторые люди даже не представляют, что может делать человек с веревкой, если большую часть жизни ходит по ней над пропастью. Но, как оказалось, воспользоваться ею не пришлось.

Женщина с холодными глазами, на которую никто даже не посмотрел, очутилась за спиной Зима, приставив острие длинного узкого ножа к его шее, слегка надавив, и на кончике оружия появилась маленькая рубиновая капелька. Стояла она так, чтобы охотник служил ей живым щитом от стрелка.

Но Тэо был удивлен совсем не тем, что эта странная незнакомка влезла в их разговор, а клинком, которым та владела. Он прекрасно разбирался в древностях, это было его вторым увлечением в жизни, и по самым скромным оценкам ножу было по меньшей мере несколько веков.

– Спроси, чего я хочу, – сухо потребовала женщина.

– Чего ты хочешь? – послушно задал вопрос Зим.

– Расскажи мне, что будет, если я надавлю чуть сильнее.

– Я отправлюсь к Скованному, мамаша.

– Разрушу тебе два сосуда и нервный узел. Достаточно для того, чтобы твой мозг бился в агонии, пока кровь шипит, точно хорошее игристое из Савьята.

– Ненавижу шипучку.

– Это то, что я жажду услышать. – Блеклые глаза женщины смотрели только на Тэо. – Давай до этого не доводить, мальчик. Пусть твой человек разрядит арбалет. Он меня нервирует.

– Делай, как она говорит.

Воин вытащил болт, ослабил натянутую тетиву.

– Теперь обратно за стол, и тыкайте пальцем в карту. У вас это отлично получается, – приказала она, и трое мужчин, видя, как Зим согласно моргнул, уселись обратно, напряженные и готовые в любой момент вскочить со своих мест.

– Что теперь, мамаша? – процедил охотник за головами, чувствуя кожей клинок, словно тот был досаждающей рыбьей костью, попавшей ему в горло.

– Пряник и кнут. – В ее голосе послышалась насмешка, и она повторила его же слова. – С виду ты умный парень. Поэтому хочу подарить тебе возможность не встречаться с той стороной еще какое-то количество лет. Вы оставите постоялый двор в покое. Я очень не в настроении, а ваши рожи его только еще сильнее портят. Завтра я уйду, и делайте что хотите. Но сегодня чтобы никого из вас и близко не было. Теперь кнут. Вздумаете пересчитать мне зубы, пожалеете. Так что ты выбираешь, Зим?

– Кто тебе этот акробат?

– Никто.

– Так зачем лезть, мамаша?

Та помедлила, прежде чем ответить, и Тэо показалось, что она издевается.

– В детстве я любила цирк. Однажды он приезжал в мой город, и это было приятное воспоминание. Отдаю долги. Завтра я уйду, и делайте с ним что хотите. Твое решение?

– Завтра попрыгун может быть далеко.

– Не мои проблемы. А мое настроение только что немного испортилось. – Она надавила чуть сильнее, и Пружина увидел, как тонкая струйка крови побежала по бледной коже Зима к грязному после дороги воротнику его рубахи.

– Мы подождем до завтра, – процедил тот.

– Мудро.

Тэо не представлял, на что она рассчитывала дальше. Как только Зим получит свободу, эти люди без труда порубят ее на части.

– Не стоит его отпускать, – посоветовал он ей, но женщина лишь буркнула ему в ответ:

– Не надо меня учить.

Мужик ухмыльнулся акробату, в его взгляде промелькнуло зловещее обещание. Кончик ножа медленно и словно бы неохотно отпустил шею охотника за головами, и тот резко повернулся, пытаясь разбить локтем лицо женщины. Тэо тоже был на ногах, замахиваясь скрученной веревкой, слыша, как за спиной отодвигают стулья помощники Зима.

Он не понял, что произошло дальше. Его спасительница превратилась в размытое пятно. Какая-то невероятная сила подкинула наемника к потолку, и Пружина услышал, как громко и неприятно хрустнули шейные позвонки, когда голова человека врезалась в преграду.

Нечто стремительное пронеслось мимо него – серое, расплывчатое, потревожившее скатерти и занавески, вихрем

окружило людей, обнажавших мечи, покидав их на пол, словно кегли во время кулийской игры в шары.

Спустя мгновение женщина со все таким же спокойным, отрешенным лицом отбросила ногой чей-то валявшийся клинок.

– Советую вам убраться, пока я не передумала.

Один из них лишь таращил глаза, явно ничего не видя перед собой, и из его рта текла кровь. Он не мог встать, сучил руками и ногами, точно большой жук, перевернутый на спину.

Тэо, хмурясь, смотрел, как двое помятых, но способных передвигаться людей Зима поковыляли к выходу.

– Эй! – крикнула женщина. – Эту падаль заберите с собой.

Они остановились, униженно приползли назад, подхватили раненого «товарища», поволокли его к выходу. Тэо с неприятным чувством следил за кровавым следом, остающимся за ним.

Женщина, злая и раздраженная, присела над трупом Зима, не обращая внимания ни на акробата, ни на появившегося из-за стойки помощника хозяина постоялого двора, обыскала карманы. Пружина отметил про себя, что делает она это грамотно и профессионально. И, как видно, не в первый раз. Результат не заставил себя ждать, так как найденные деньги перекочевали от убитого к ней.

– Эй! – крикнул им массивный хозяин. – Какого Скованного, шаутты вас забери, здесь происходит?!

– Сам не видишь, что ли? – буркнула женщина, распрямляясь. – Этот парень решил показать циркачу, как он прыгает, и саданулся башкой об потолок. Бедняга. Тэо подтвердит. Ведь так?

Акробат приподнял брови, с иронией показывая, что ее «легенда» не стоит и медного улта, но все же соврал:

– Так все и было. Он не рассчитал свои силы.

– Как же! Тьма знает что здесь случилось, но я зову стражу.

– Да ну? – Ее холодные глаза стали еще более отталкивающими, чем обычно. – Не очень хорошая идея.

Хозяин сделал шаг назад, но тон не сбавил:

– И что мне теперь делать с мертвяком? Городская стража так просто этого не оставит.

Странная женщина кинула ему что-то. В солнечном свете мягко блеснуло желтым, и Тэо понял, что это полновесная марка.

– Сделаешь то же самое, что и с другими покойниками. Уверена, этот не первый, что появляется под твоей крышей. Скинь в овраг, брось на тракте, сделай пугало, скорми свиньям. Мне все равно. А страже сообщать не надо.

Хозяин сжал деньги в кулаке, сказал уже другим тоном:

– Другой разговор, госпожа. Позабочусь о нем.

Он с помощником утащили мертвеца на кухню, чтобы потом вынести его на задний двор.

– Спасибо, – поблагодарил акробат.

– Да пошел ты! – огрызнулась она, разом став злой, точно сапфировый коршун – хищная птица, живущая в горах на границе Пустыни.

Он не удивился такой реакции, достал монету равную той, что она только что отдала, подтолкнул к ней по столу:

– Не хочу ходить в должниках.

Женщина без всяких колебаний забрала ее.

– Или повесься на этой веревке, или свали подальше. Запас моей доброты закончился.

Она вышла на улицу, бормоча под нос ругательства, и Тэо покачал головой. Он так и не понял, что здесь произошло, но знал одно – в последнее время вокруг него творится тьма знает что. Синее пламя, тени, убивающие людей, и неизвестная, способная за три секунды расправиться с четырьмя здоровыми мужиками.

Сай оказалась права – им с Хенрином стоило уехать, пока была такая возможность.

– Рыба полосатая, вот ты кто, – сказала Лавиани своему усталому отражению в маленьком, грязном осколке зеркала. – Глупая, недалекая дура. Какого Скованного ты лезешь в чужие дела?

Сказать, что она была зла на себя, значит, ничего не сказать. Ведь знала же, чем все закончится и что придется потратить. Теперь у водопада было пусто, последняя бабочка исчезла с ее кожи. И это очень плохо, в особенности если

учитывать, что где-то поблизости Шрев, пообещавший Боргу раз и навсегда избавиться от нее.

Теперь она может противопоставить охотникам лишь ту силу, ловкость, стремительность и проворство, что были у нее изначально. Бабочки вернутся обратно на кожу довольно не скоро.

И все это из-за проклятого шауттами парня, которого она хотела убить!

Лавиани не планировала вмешиваться. Чужие дела ее не касались, и сойка никогда не влезала в ненужные разборки. А тут – сама не знала, что на нее нашло. Только что хотела убить, а вместо этого спасла. Спасла лишь для того, чтобы снова захотеть прикончить.

А ведь обещала себе быть осторожной! Не привлекать внимания! Медный улт – вот цена ее обещаниям самой себе. Теперь придется быть втройне осторожной, пока она не доберется до Пограничного и не сядет на корабль, плывущий в Летос.

Там ее искать не станут. Те, кто живут на материке, с огромной неохотой отправляются в островное герцогство. Понимают, что хуже этого места только Пустынь и Смерчи.

Она торопилась. Месяц Журавля не за горами. Совсем скоро начнутся свирепые осенние шторма, и по морю Мертвецов отважатся плавать лишь отчаянные смельчаки. Летос мало кого привлекает своей зловещей славой, и судоходство в этом направлении развито только в летний период, когда

редкие ныряльщицы Проклятого герцогства добывают золотые жемчужины, а мужчины выходят в море, охотясь на горбатых китов, ловя треску, макрель и палтуса.

Умом Лавиани понимала, что оставаться в таверне нельзя, следует уходить прямо сейчас. Но силы сойки были на исходе. Убегая через весь континент, практически не смыкая глаз… Она едва держалась на ногах, боясь потерять сознание и грохнуться от переутомления, чего с ней не бывало со времен ее молодости.

Поэтому Лавиани проявила слабость, которую обычно себе не позволяла. Добрела до кровати и уснула прежде, чем ее голова коснулось жесткой подушки.

Ей снилась родина. Такая, какой она ее запомнила, прежде чем мать продала ее и высокий, мрачный человек, назвавшийся дядей, пахнущий сладким табаком, острым перцем и сталью, забрал девочку с собой в Пубир.

Летос навсегда остался для нее каменными пустошами, блеском чешуи лосося, деревянными вешалками, на которых на ветру и холодном солнце вялилась треска, цветущим вереском, запахом овечьей шерсти, сиреневыми сопками на горизонте, туманом над фьордами, студеным утром с ледяной росой, обжигающей босые ступни.

И конечно же морем.

В этом герцогстве ему поклонялись куда больше, чем Шестерым. Оно было их богом. Порой ласковым и нежным, одаривающим тех, кто чтит его, золотым жемчугом, китовым

мясом и рыбой. Но чаще оно становилось жестоким и беспощадным.

Когда мрачный бородатый незнакомец увозил ее из родного дома, Лавиани не выдержала, прыгнула в волны, желая вернуться к родным, которые отказались от нее. Сиганула в разверзнутую пасть морского леопарда, столь свирепого и голодного, что он без труда проглотил шестилетнюю тощую девчонку.

Южанин вытащил ее из бездны, почти задохнувшуюся и едва не отправившуюся на ту сторону. Столько лет прошло, а она до сих пор помнила вес воды, ее горечь, окружающий серый сумрак, приглушенный грохот над головой и стальные тела уин, обрадованных тем, что в их холодный мир упала горячая кровь.

Вот и сейчас Лавиани снилось именно такое море. В котором она – маленькая, всеми покинутая, дрожащая, отчаявшаяся, сражается со стихией, болтающей ее из стороны в сторону. И с каждой секундой блестящая, волнующаяся поверхность отдаляется от нее, уплывает к небу, глаза затягивает темной дымкой, в груди клокочет вода, которой она пытается дышать, не понимая, что это доступно лишь рыбам да уинам.

Сойка проснулась от того, что едва не захлебнулась, когда ей на лицо вылили целое озеро. Фыркая и кашляя, Лавиани попыталась встать и получила удар в живот. Задохнулась снова, теперь уже от боли.

– Не так уж ты и страшна, – сказал мужской голос, и она услышала, как звякнуло отбрасываемое в сторону ведро.

Потрясла головой, точно собака, сбрасывая с лица капли. Она была надежно привязана к кровати ремнями из крепкой лошадиной кожи. Такими толстыми, что они запросто удержали бы и великана.

– Известная беда соек – после того как устанут, спят точно бревна, – произнес человек. – Делай что хочешь, не проснутся, пока воды на рожу им не нальют.

Второй тип, тощий, одетый в мешковатую куртку, заржал. Смех у него был немного нервный, он до сих пор не верил, что так легко удалось ее взять.

Она поняла, что с нее сняли рубашку, и знала, для чего это было сделано. Мужчина усмехнулся:

– Где твои волшебные рисунки, старуха?

Лавиани сказала ему где. Используя самые заковыристые слова из жаргона дна.

– У тебя нет яда, змея. – Оон ничуть не опечалился, услышав о своей семье и том, чем, по мнению Лавиани, любит заниматься его мать. – Татуировка пуста, а это значит – никакой проклятой магии. Никаких исчезновений, движений, точно ты молния, и прочих темных штук. Сейчас ты всего лишь связанная, мокрая и довольно жалко выглядящая старуха.

– Я освобожусь. И вырву тебе гортань, – тихо пообещала Лавиани.

– Хотелось бы мне на это посмотреть. Ремни не порвет даже мэлг. Я разбудил тебя сказать, что Шреву отправлено сообщение. Он будет здесь дня через три. Так что ты не скучай. А мы пойдем завтракать.

Они ушли, и Лавиани лишь грязно выругалась. Выгнулась дугой, выкручивая запястья, пытаясь освободиться от ременных петель, но у нее не получилось.

Она полежала несколько минут, глядя в потолок бесцветными, безумными глазами. Заставила себя успокоиться, задышала ровно. Пока изменить ничего не получится. Первая бабочка появится не раньше чем через неделю, а значит, Шрев уже будет здесь и конечно же прикончит ее на радость Боргу.

Однако сейчас Лавиани все еще чувствовала усталость, а потому сделала единственное, что могла, – закрыла глаза и снова уснула.

Сон оставил ее в глубоких сумерках. Маленькая комната была наполнена густыми тенями, и лишь квадрат окна выделялся на фоне быстро гаснущего неба.

Она приоткрыла глаза, чтобы видеть, что творится вокруг. Несколько минут лежала не шевелясь, продолжая сохранять ровное дыхание. Руки и ноги затекли, но в отличие от большинства людей ее это не сильно беспокоило.

Человек, охранявший сойку, сам дремал на стуле. Это она поняла по тому, как тот сидел и как дышал. Минут через

десять раздались тяжелые шаги на лестнице. Охранник тут же встрепенулся, и она увидела, как тускло сверкнула сталь.

– Дрых, что ли? – спросил тот, кто облил ее водой.

– Ну, – не стал отрицать сторож. – Сам говорил, что она осталась без зубов.

– А если бы ей кто-нибудь помог?

– Оставь, Урво. Кто будет помогать бешеной суке? Она одиночка, и у нее нет друзей.

Вошедший подошел к кровати, и Лавиани почувствовала, как тот наклонился над ней.

– В чем ей не откажешь, так в железной воле. Я бы уже штаны со страху намочил, а ей как с шаутта солнечный свет.

– Ща разбудим.

– Оставь. На кой Скованный тебе ее сторожить? Без татуировок она не опасна. Пошли вниз. Выпьем. Связали мы ее хорошо. Никуда не денется.

Они ушли, а Лавиани следующий час пыталась освободиться от ремней, но лишь в кровь стерла запястья и лодыжки.

Сперва она не придала значения шороху, раздавшемуся на крыше. Но когда тот повторился, прислушалась. Спустя несколько мгновений вниз, на карниз перед ее окном, легко спрыгнул некто. Человек помешкал, прислонился к стеклу, прислушиваясь. Тихо звякнул металл о металл, крючок, удерживающий обе створки окна, поднялся, и незнакомец оказался в комнате, не издав ни одного звука.

На секунду она задохнулась от необъяснимой ненависти так, что у нее свело зубы. Легко понять, кто решил ее навестить.

– Какого Скованного ты здесь забыл, акробат? – прошипела она.

– Мне показалось или ты не рада меня видеть?

Ей в его спокойном, приветливом голосе почудилась ирония.

– Зависит от того, для чего ты здесь.

– Ты выручила меня, я выручу тебя. Я ведь говорил, не люблю быть должен.

– Значит, мне везет, как Тиону.

Лавиани показалось, что он улыбнулся:

– Ну, возможно, так и есть.

Он подошел близко, и она усилием воли заставила зверя, который появлялся в ней, забиться в самый дальний уголок сознания.

– Понадобится нож, – предупредила женщина.

– У меня нет ножа.

– Так. Спокойно, – сказала она самой себе, не скрывая от него своих слов. – Мне достался единственный спаситель в расколотом к шауттам мире, у которого при себе нет даже острой железки. Чем ты поднял крючок?

– Гвоздем.

– Ты куда?

– Я быстро, – сказал он, уже перебросив ноги на карниз.

Быстро акробат не вернулся. И Лавиани, глядя в потолок, мысленно упражнялась в проклятиях. Хорошо, что ему хватило ума закрыть окно на тот случай, если вернется охранник.

Циркач появился не раньше чем через полчаса, известив о своем присутствии очередной волной ненависти, накатившей на нее.

– Создатели всего сущего! – прошипела она. – Неужели в округе не нашлось ни одного ножа и тебе пришлось бежать за ним в Ум?!

– Если ты чем-то недовольна, я могу оставить все как есть, – негромко, без всякой злости сказал он, и Лавиани увидела в его руке тусклый отблеск стали.

– Клянусь желтыми фонарями! – Парень все же смог ее удивить. – Где ты достал мой клинок?!

– Взял из твоей сумки, – просто ответил Пружина, касаясь первого ремня и отмечая про себя, как тот расступается под острейшим лезвием.

Правая рука Лавиани оказалась свободна, так что она забрала у спасителя свое оружие, резко выдохнула, прогоняя наваждение, подстрекавшее ее ткнуть человека в незащищенную шею, и расправилась со вторым ремнем.

– А сумка, надо полагать, бегала по двору этого клоповника и отдавалась любому за четверть рен-марки, точно портовая шлюха? – Сойка в два счета перерезала путы на ногах и осторожно встала, начав разминать мышцы.

– Все вышло чуть сложнее. Она лежала под лавкой, на которой сидят твои друзья.

– Скованному они друзья. И что? Ты просто подошел и взял?

– Да.

– И они не заметили?

– Ну… у меня есть… был друг. Фокусник. Это довольно просто, особенно если на тебя никто не смотрит. Ребята напиваются, и им не до проходящих мимо.

– Не стоит им мешать в этом, – усмехнулась Лавиани и первой вылезла в окно.

Глава четвертая
Водоворот

Прибыв в разоренный Стэрхем, Ваша милость, мой отряд обнаружил это существо. Пустой напал на нас, и тридцать девять славных воинов были повержены прежде, чем мы смогли убить чудовище. Осматривая его труп, я заметил знак той стороны, выжженный у него на предплечье. Вы были правы, Ваша милость, когда-то он был человеком.

Из письма командира пограничной крепости Южного Мута капитану-командующему.
Эпоха Забвения.
Примерно 132 год после Катаклизма

Тэо не удивился, когда, проснувшись, не обнаружил молчаливой спутницы. Трава, на которой та лежала, уже успела выпрямиться, что означало – ушла она давно, еще в середине ночи.

Пружина не расстроился подобному обстоятельству, приняв как данность. Они спасли друг друга и больше ничего не должны. Странная незнакомка, так и не представившаяся ему, решила расстаться не прощаясь.

Не страшно.

У него своя цель – добраться до порта и покинуть Варен как можно быстрее. Прежде, чем его снова найдут.

Утренняя тренировка впервые за долгое время не радовала Тэо. Он чувствовал легкую слабость и никак не мог сосредоточиться – внимание рассеивалось… А еще немела левая рука. Акробат хмурился, сжимал пальцы в кулак, но онемение прошло лишь к обеду, спрятавшись где-то в мизинце. Голова была тяжелой, кошмары, что преследовали целую неделю, и в эту ночь не дали нормально выспаться, вселяя необъяснимый страх перед синим пламенем, окружавшим его со всех сторон.

А все дело в статуэтке Арилы. Первая древность из многих найденных им, которая принесла беду.

Он знал о подобных артефактах, по слухам наделенных магией, слышал о них в старых сказках, где говорилось о крестьянах, находивших в земле предметы из далекого прошлого, что пробуждали зло. Но подобные сказки ничем не отличались от мифов о ездовых снежных львах асторэ или же легенд времен Битвы Теней. Через руки Тэо прошло довольно много безделушек эпохи Единого королевства, и это были просто старые вещи.

Фарфоровые черепки, медь, бронза, иногда серебро, редко золото, еще реже поделочный камень. Большинство находок стоили несколько ултов или же вообще были никому не нужны, но порой случалось так, что в руки канатоходца попадало нечто ценное для других людей.

В первый раз такое случилось с ним в девять лет. Цирк Квио остановился на берегу Лунного залива, там, где тот

сужался, превращаясь в Змеиное ложе, тянущееся до самого Жемчужного моря. Место было пустынным – заброшенные развалины древнего города, едва угадывающиеся среди замшелых камней, ярко-голубых цветущих колючек и ослепительно-белой пыли под ногами. От всего города более-менее уцелело лишь несколько арок и десяток колонн, тянущихся в небо, точно деревья.

– Нес-Колонэс. Так это место называлось во времена Единого королевства, мальчик, – сказал ему Квио.

– Почему он разрушен?

– По той же причине, что и тысячи других городов, от которых не осталось даже памяти. Это сделал Скованный. Или Тион. Или шаутты.

Тэо стал допытываться, кто здесь жил и что делали эти люди, когда начался Катаклизм и смерчи срывали плоть с людских костей, но хозяин цирка только плечами пожал:

– Я слышал лишь название города, когда мы останавливались здесь десять лет назад. Удобное место, чтобы переждать полуденную жару. Давай-ка, принеси мне воды.

Тогда-то Тэо и нашел ее. В ручье, заканчивающем свой бег в лазоревом, но холодном в месяце Мантикоры море. Он увидел на дне, среди камешков, что-то темно-зеленое и извлек на свет небольшую, но тяжелую монету.

Она была квадратной, как и отверстие в ее центре. По краям раньше тянулись какие-то письмена, но сейчас от них остались едва ощутимые неровности. Находка ему понрави-

лась, он сунул ее в карман, затем в сумку и забыл до тех пор, пока бродячий цирк не приехал в Аринию, где у них было запланировано шесть выступлений в военных гарнизонах приграничных областей.

Там находку увидел Лев, близкий друг Квио, учивший мальчишку жонглировать. Ходили слухи, что раньше Лев был богатым человеком, но по каким-то причинам оставил прошлую жизнь и ушел странствовать с цирком. Действительно, он довольно сильно отличался от остальной труппы. Никто из них не умел считать так быстро, никто не знал алхимию, не мог фехтовать и не говорил без акцента на всех языках герцогств.

Молодому акробату всегда нравился этот человек, человек с тихим голосом. Лев попросил монету, чтобы рассмотреть, а затем сообщил, что готов продать ее в Ринии и выдать мальчику три полновесные золотые марки.

Так Тэо узнал, что некоторые находки времен Единого королевства высоко ценились среди коллекционеров, торговцев древностями и ученых. С тех пор поиск древностей стал для него второй страстью после акробатики.

За те годы, что он путешествовал с цирком Квио, Лев научил мальчишку всему, что знал сам. Как найти нужное, как определить, что попало тебе в руки, сколько стоит, с кем можно иметь дело… Много внимания жонглер уделял истории, пичкая своего подопечного сказками, мифами и легендами, которые тот обожал. Поняв, что Тэо никак не дает-

ся чтение, Лев просто рассказывал ему их, пользуясь любой свободной минутой.

Так что Пружина знал, где стоит искать предметы из прошлого – в развалинах древних городов либо в сундуках старьевщиков или неприметных лавках. Хотя в последних двух местах такие вещи появлялись, только если продавцы не подозревали, каким сокровищем обладают.

С древними городами все обстояло еще более непросто. Бродячий образ жизни не позволял ему обосноваться на одном месте и махать лопатой от заката до рассвета. Да он и не хотел для себя этого. Раскопки были всего лишь дополнительным заработком, особенно в межсезонье.

Обычно ему не везло. Но Тэо не унывал. Шел по жизни, участвовал в представлениях и порой, не чаще двух-трех раз в год, к нему в руки попадало что-нибудь интересное. И из-за такой безделушки его кошелек становился на марку-две тяжелее.

Именно благодаря своему увлечению он познакомился с Хенрином. Фокусник занимался тем же самым, но куда более целенаправленно. Хенрин часто убеждал Тэо в том, что всю жизнь выступать в цирке не получится. Рано или поздно для каждого из них настанет тот момент, когда придется спрыгнуть с каната или вытащить разноцветные карты из рукава, прежде чем толпа увидит, как ты падаешь на камни или как твои неловкие от старости пальцы не могут показать примитивное чудо.

– Скоплю на лавку, буду продавать и покупать вещи из прошлого, – говаривал фокусник. – Главное, заработать репутацию в этом деле. А клиенты найдутся. Давай и ты со мной. Полноценное партнерство.

Тэо лишь улыбался и качал головой. Он слишком любил то, чем занимался, чтобы становиться торговцем…

Два дня Пружина шел лесными тропами, пустынными и одичавшими, продвигаясь на запад. Встреча с Зимом научила его осторожности. Он не хотел больше сталкиваться с охотниками за головами, здраво полагая, что второй раз поблизости не будет того, кто сможет его спасти.

Акробат старался двигаться параллельно тракту, насколько это было возможно долго, но затем вышел обратно на дорогу, понимая, что таким темпом доберется до Приграничного, лишь когда месяц Дракона подойдет к концу.

Ему повезло встретить купеческий караван и развлечь людей жонглированием шестью яблоками и одним камнем. Тэо усадили на свободное место в телеге и довезли до Уверо, маленького городка в дне пути от порта.

Здесь он и встретил свою старую знакомую.

Она появилась из-за повозок, груженных репой. Все такая же раздраженная, как и прежде. С глазами белыми от бешенства.

– Следишь за мной?! – прошипела та. – Неужели не понятны намеки, циркач?!

– Не злись, – миролюбиво ответил Тэо. – Тракт один. Я иду в Приграничный. Надо полагать, ты тоже.

Она мрачно уставилась на него:

– Держись от меня подальше. Для своего же блага.

– Раз ты так говоришь, – пожал он плечами.

– Именно так!

– Заметь, это ты меня нашла. Я тебя даже не видел.

– Вот и дальше не смотри. Я ухожу прямо сейчас.

– Как и я.

Она вновь разозлилась, и Тэо заметил, как напряглись ее ноги. Того и гляди прыгнет. Возможно, он нашел бы это забавным в другое время, если бы не видел, как быстро двигалась незнакомка, когда разбиралась с людьми Зима.

– Скованному будешь рассказывать, мальчик. Если я иду вперед, то ты ждешь до завтра.

Тэо покачал головой:

– Лучше наоборот. Я не хочу доставлять тебе неприятности, но и ждать не могу. Как ты помнишь, меня ищут не меньше, чем тебя. В этом мы с тобой удивительно похожи.

– Мы совершенно разные! – возразила та. – И нам точно не по пути. Ты спас мою задницу, спасибо тебе за это, малыш. Но на этом все. Слышишь?!

– Да я с первого раза понял. – Он нашел способ, как следует с ней разговаривать. Точно так же общались в зверинцах с раздраженными, готовыми вот-вот броситься на тебя тигрицами. Спокойно, уверенно, миролюбиво. И, разумеет-

ся, без страха. – Мне нужно в порт как можно быстрее. Хочешь – иди вперед. Я подожду несколько минут и отправлюсь следом. Такой вариант тебя устроит?

– Ладно, – после недолго раздумья согласилась Лавиани. – И чтобы меньше чем на сто шагов не приближался. И не надо со мной разговаривать! Мы не друзья.

Тэо хотел сказать, что вообще сомневается, есть ли у нее друзья, с таким недружелюбным отношением к миру, но лишь спросил:

– Имя-то твое я хотя бы могу узнать?

Вопрос ей не понравился:

– Я же сказала, мы не друзья. Тебе ни к чему меня окликать. Просто перебирай ногами, желательно подальше от меня, и помалкивай. Это понятно?

Тэо лишь еще раз улыбнулся и, чувствуя, как снова начинает неметь левая рука, кивнул. Он не собирался набиваться к ней в товарищи, если уж на то пошло.

– Все асторэ и их пропавшая магия! Как же он меня достал! – пробормотала Лавиани, на ходу закручивая купленную утром флягу.

Она быстро шла по тракту, петляющему среди дубовых рощ и то и дело пересекающему мелкие речушки с темной, ленивой водой. Было прохладно и приятно, людей по пути встречалось всего ничего, что ее только радовало. Можно наслаждаться последними днями на материке, прежде чем

похоронить себя на островах, где ее давным-давно никто не ждет. Но спутник, несмотря на то что он шел далеко позади, раздражал неимоверно.

Лавиани не относила себя к тем, кто любит людей. Поэтому она всегда старалась держаться в стороне и не лезть к ним с распахнутыми объятиями. Сама часто вела себя довольно грубо, не подпуская к себе чужаков. Сойка не терпела насмешек и оскорблений, была вспыльчива и злопамятна. Она не самый идеальный человек в мире и признавала это.

Но то, что творилось с ней сейчас, когда рядом оказался Тэо, нельзя было описать словами.

Ее личность словно раздвоилась. Одна часть, ранее незнакомая ей, бешеная и неподвластная, обжигая жарким дыханием, настойчиво шептала в ухо, что циркача следует убить.

Прямо сейчас.

Как можно скорее.

Несмотря на все его показное дружелюбие и ту помощь, что он ей оказал. Этот назойливый шепот заставлял ее пальцы сжиматься в судороге, а руку тянуться к ножу.

Но вторая часть личности, та, что всегда была ею, холодная, расчетливая волчица, когда-то пожравшая маленькую, отчаянно смелую девочку, была сильнее.

Пока сильнее.

Она четко и прямо говорила Лавиани, что это неправильно. Нельзя убивать всех направо и налево. Без причины. Акробат спас ее, он не причинил зла, нет никаких поводов от-

вечать ударом на добро. Не стоит нападать, когда ты не разобрался в странных причинах своего состояния и тех болезненных желаниях, что возникают в голове. Сперва следует понять, а затем уже… а затем стоит просто уйти.

Лавиани так и поступила. Не спала, пока он не заснул, затем постояла над акробатом под яркими звездами, вглядываясь в его спокойное, молодое, открытое лицо, и ушла, точно шаутты, растворявшиеся в тенях. И как только оказалась на тракте, ее отпустило. Наваждение схлынуло, горячий камень, прижимавший к земле, свалился с плеч, и дышать сразу же стало легко и свободно. Мерзкий шепот заткнулся на середине фразы и больше не возвращался.

Какова же была ее злость, когда через пару дней в разношерстной торговой толпе она увидела знакомое лицо. В голове вспыхнуло пламя ненависти, и Лавиани едва ли не впервые в жизни потеряла над собой контроль. Ей оставалось лишь несколько шагов, чтобы ударить акробата ножом и покончить с этой историей, когда он улыбнулся.

Улыбка отрезвила ее. Заставила остановиться. На его счастье и во славу Шестерых, в которых она давно не верила.

Теперь Тэо шел за ней, довольно далеко, но она чувствовала его взгляд у себя промеж лопаток, и это ее злило не меньше, чем когда тот находился рядом. Сойка попыталась идти быстрее, но он не отставал. Наконец Лавиани не выдержала, остановилась на маленьком бревенчатом мосту без перил.

Солнце играло на воде бликами, точно на чешуйках плотвы, длинные водоросли, тенями угадывающиеся в реке, распускались и волновались, точно волосы уин, которых она когда-то видела.

Сперва ее желание убить циркача было оправданно. Она считала его человеком Борга. Затем списывала свое странное состояние на усталость и бессонницу. Однако теперь нет никаких причин, чтобы хвататься за нож. Но…

Очень хотелось.

Это было странно. И она боялась признаться даже себе, что, возможно, сходит с ума. Говорят, такое порой происходило с сойками. Таувины умели с этим справляться, у них была цель – защищать мир от асторэ, расплодившихся мэлгов и шауттов. Но то были рыцари света. А их жалкие последователи способны лишь служить, убивать и умирать.

Когда раздались приближающиеся шаги, она инстинктивно напрягла мышцы, готовая драться, и тут же заставила себя расслабиться. Повернулась к акробату, чуть удивившись, как бледно у него лицо.

– Иди вперед, – сказала ему Лавиани.

– Не пробовала быть с людьми любезнее? – Тэо говорил вежливо, но его светло-ореховые глаза были странными, с суженными зрачками, словно он совсем недавно жевал какой-то наркотик.

– В смысле? – Она наблюдала за его реакцией на свет, не слишком-то прислушиваясь к словам.

– Ну слова «пожалуйста» и «спасибо» есть даже в Соланке.

– Я не из Соланки.

– Но акцент у тебя как у южанки. К тому же фраза «не мог бы ты идти первым» звучит гораздо лучше, чем прямой приказ к исполнению.

– Ты тратишь наше время и даришь его тем, кто хочет добраться до тебя. Так что иди… вперед.

Акробат лишь хмыкнул и отправился в путь. Она провожала его взглядом, отстраненно отмечая, что чем дальше он отходит, тем слабее шепот в ее ушах. Наконец двинулась следом. Достаточно далеко, чтобы не чувствовать дискомфорта, но и не теряя его из виду.

За дубовыми рощами началась равнина с полями, на которых находилось множество стогов собранного сена.

Тэо шел быстрее, чем она, так что Лавиани пришлось чуть изменить привычный темп ходьбы. Как всегда машинально женщина переняла чужую походку. У акробата она была легкой, немного пружинистой и вполне удобной.

Услышав всадника, Лавиани неспешно сошла с дороги, поближе к скошенной траве, жалея, что ее метательные ножи остались в сумке, брошенной на постоялом дворе. По счастью, человек в сером плаще с оранжевыми полосами был гонцом, а не охотником за головами и проскакал мимо, не обратив внимания на путников. Когда пыль, поднятая лошадью, улеглась, они с Тэо посмотрели друг на друга и не сго-

вариваясь продолжили путешествие.

Еще через час акробата внезапно повело в сторону, она еще успела удивиться, как у того заплелись ноги… когда он рухнул на бок, да так и остался валяться на земле.

– Это такая шутка из цирка? – Лавиани недоуменно вытаращилась на него.

Но расстояние было слишком большим, чтобы Тэо услышал ее голос. Он продолжал лежать в пыли, и женщина, негромко выругавшись, решительным шагом направилась к нему, быстро закипая от злости.

– Скованный! Я выбью из тебя эти глупости, мальчик! Клянусь морем, ветром и тысячью китами! – решительно произнесла Лавиани.

Она склонилась над ним, увидела белое точно мел лицо, пену, выступившую на губах, и вся ее злость пропала. Парень явно не собирался ее разыгрывать. Сойка оттянула веко, обратив внимание, что теперь зрачок закрыл почти всю радужку, оставив лишь тонкую золотистую каемку.

– Дела твои не то чтобы очень, мальчик.

Лавиани покачала головой и поспешила прочь. Однако шагов через тридцать остановилась, обернулась, глядя на потерявшего сознание человека.

– Забери тебя шаутт, рыба ты полосатая! – в сердцах выругалась она и вернулась.

Взяла его под мышки, отволокла с дороги, радуясь, что вокруг ни души. Он был тяжелым, но Лавиани за свою жизнь

успела потаскать мужиков и потяжелее этого, так что справилась, хотя и не удержалась от ругательств. Положила канатоходца за стогом сена так, чтобы не было видно с тракта. Сейчас, когда парень был без сознания, вся ее необъяснимая ненависть испарилась.

– Что же с тобой такое?

Она еще раз проверила зрачки и их реакцию на свет, нащупала слабый и неровный пульс, послушала дыхание, наклонив ухо к губам. Пены уже не было, поэтому она понюхала их и удивленно хмыкнула. Запах был незнакомый. С особым пристрастием осмотрела ногти, их цвет и блеск, нажав на некоторые большим пальцем правой руки, и по ее хмурому лицу было видно, что ничего интересного она не узнала.

– Припадок. Но в чем причина? В мозге? – пробормотала сойка, положив сухие ладони на виски акробата, и сосредоточилась, чтобы ощутить «свет» в его голове.

То, что там жило, ей не понравилось. Среди ярких, золотистых искорок единственного, что осталось от ускользающего сознания человека, плавала густая серая муть. Точно меловая взвесь в воде. И через эту воду коралловой нитью протекало нечто. Оно было как вспышки факела, которым машут рядом с твоим лицом. Чувствуешь жар на коже, слепнут глаза, и возникает единственное желание – отшатнуться.

– Будь я проклята, если понимаю, что с тобой, – наконец сказала она, села рядом и задумалась.

Лавиани давно пора было уйти, у нее имелись куда более

важные дела, чем возня с припадочным, но она продолжала перебирать варианты. Вспоминать все болезни и их симптомы. То, чему ее учили.

В третий раз проверила по кругу глаза, дыхание, пульс, ногти, ригидность[8]. Последняя была восковой, конечности оставались в том же положении, в какое их приводила женщина. Вновь «полезла» в голову, на этот раз сжав ее сильнее и стиснув зубы, чтобы не отшатываться от коралловых вспышек.

Следовало проверить, куда они ее приведут.

Она стала медленно спускаться вниз, дюйм за дюймом, от продолговатого мозга к позвоночному столбу, спрыгивая по каждому из позвонков шейного отдела, преодолевая нарастающую, противоестественную боль в собственной голове. Ей пришлось сдаться, когда сознание натолкнулось на целую сеть коралловых пауков в подлопаточной мышце, и не довести начатое до конца.

– Чтоб тебя, – буркнула она, вытирая рукавом неожиданно взмокшее лицо.

За свою жизнь Лавиани сталкивалась с разными болезнями, но такую видела впервые.

Она перевернула акробата на бок и задрала рубаху у него на спине, отмечая про себя хороший мышечный корсет. Когда обнажились лопатки, сойку точно ногой в живот ударили. Женщина взвыла и сама не заметила, как оказалась в два-

[8] Равномерное сопротивление мышц во всех фазах пассивного движения.

дцати шагах от него, с ножом в руке, желая бежать и бить одновременно. Вновь сработал инстинкт и годы тренировок.

Лавиани заставила себя подавить приступ паники, с силой воткнуть оружие в землю, оставить его и вернуться к Тэо.

Преодолевая отвращение, она остановилась в трех шагах от акробата, встала на колени, рассматривая спину человека, точно опасное насекомое из пустыни Карифа, которое в любой момент может наброситься на нее, вцепиться в лицо, отравить ядом.

На бледной коже циркача, на середине левой лопатки проступал рисунок. Посиневшие капилляры под кожей складывались в пока нечеткий, но уже угадываемый узор. Непосвященный сказал бы, что это маленькое солнце с шестью большими лучами, которые были начертаны не в виде прямых линий, а в виде полудуг, закручивающихся справа налево.

Водоворот.

Один из самых старых символов мира.

На спине акробата из бродячего цирка проступал знак той стороны.

Метка пустого.

Глава пятая
Охотники и олени

Говорят, лет пятьсот назад в Дикоградье Рубежа существовала варварская забава. Преступника бросали в яму к плененному шаутту, на потеху зрителям. Все закончилось в один день, когда во время такого веселья в лагерь пришли другие демоны. Люди в первую минуту даже не поняли, что забава обернулась смертью. А когда поняли, стало уже слишком поздно.

Из записок неизвестного путешественника, найденных в Каренской библиотеке

Вода в чаше была горячей. Почти обжигающей. Язев Эрбет опустил в нее морщинистые руки, прищурил воспаленные глаза, наслаждаясь той умиротворяющей волной, что накрыла его. Чистота была важна, он боготворил ее и старался, чтобы на его руках и под ногтями никогда не появлялась грязь.

Приглушенные крики Таледа Гора ничуть не мешали ему. Наконец Эрбет вытащил пальцы из порозовевшей воды, и предупредительный Невек, его верный молчаливый слуга, протянул господину полотенце, благоухающее лавандовой свежестью.

Хозяину Тавера было приятно касаться ткани, ощущать

ее на своей коже и знать, что чистота снова с ним.

Он не глядя бросил использованное полотенце на темный в разводах пол, посмотрел на обоих своих сыновей.

Ринстер – худой и скуластый, с яркой рыжинкой в волосах, которая давно потерялась в седине его отца, откровенно скучал. Ему не нравилось здесь присутствовать, но он всегда слушался, и слово главы семьи было для него законом. Выше личных интересов, желаний и забот. Язев знал об этом и ценил терпение среднего отпрыска и его уважение к себе. Ринстер был его главной надеждой – ума в нем поболее, чем в Кельге и… и Иане, сохрани его душу Шестеро. Сможет держать город в кулаке, используя то, что оставит ему отец.

Кельг, огромный и краснолицый, с густой перепутанной шевелюрой и бородой, отдуваясь, пил уже третью кружку пива. Но все это время его маленькие свинячьи глазки продолжали следить за подвешенным к потолку человеком.

– Ну так на чем мы остановились? – спросил Язев.

– Он умолял его простить, – напомнил Ринстер и откинулся на стуле, неодобрительно покосившись на старшего брата, который оглушительно рыгнул, но тут же прикрыл рот здоровенной ладонью.

– Прости, отец.

Тот лишь в раздражении поджал губы. Все его внимание занимал обнаженный толстый человек, раскачивающийся на цепи, привязанный за руки. Господин Эрбет не скрывал своего презрения и отвращения.

Колыхающиеся складки жира, точно перед ним была какая-то медуза, слезы, текущие из глаз, и опустевший мочевой пузырь, из-за чего и без того грязный пол стал еще грязнее. Мерзкое, отталкивающее зрелище.

– Кельг. Повтори урок.

Тот был рад стараться. На вкус Язева, его сын был довольно жесток, порой перегибая палку, но его действия приносили пользу. Конечно, если их контролирует кто-то еще и умеет вовремя остановить «творческое рвение».

Великан поставил опустевшую пивную кружку, взял обоюдоострый топор, прислоненный к стене, с усмешкой зашел к антиквару за спину. Тот затрясся, замычал от ужаса, замотал головой и стал неспешно и величаво раскачиваться туда-сюда, словно маятник.

Кельг примерился, скалясь редкими зубами, и ткнул топорищем пленника в почку.

– Смотрите-ка! Визжит точно свинка! – заржал он и хотел ударить еще раз, но, заметив предостерегающий жест отца, остановился с явным сожалением. – Невек, еще пива!

Молчаливый слуга-даворец выполнил приказ и вновь встал за спиной своего господина, положив руку на меч.

– Итак. Подводим итог. – Язев шевельнул пальцем, и Ринстер, встав со своего места, вытащил кляп из слюнявого рта.

– Милорд! – задыхаясь, зачастила жертва. – Милорд! Я не виноват! Поверьте, милорд!

– Это не то, что я хотел услышать.

– Я сожалею! Сожалею! Пожалуйста!

Ринстер сунул кляп обратно и повторил:

– Он сожалеет, отец.

Кельг громко хрюкнул, явно находя это веселым:

– Вскроем свинку? От горла до паха!

Иллюстрируя свои слова, он поднес месяцеобразное лезвие топора к объемному животу торговца и сделал страшное лицо.

– Уймись, – остановил его Язев, видя, что подвешенная туша вот-вот потеряет сознание от страха. – Талед, ты не даешь мне говорить. Сейчас Ринстер снова вытащит из тебя кляп, но если ты снова будешь выть и умолять, не давая вставить мне и слова, то я рассержусь, и Невек вырежет тебе язык. Это понятно?

Слуга обнажил кинжал, сделал шаг вперед. Талед Гор, прекрасно знавший репутацию правой руки милорда, отчаянно кивнул, показывая, что ему все ясно.

На этот раз он молчал, глядя несчастными, заплаканными глазами.

Господин Эрбет тяжело вздохнул:

– Итак, ты сожалеешь. Это достойное поведение приличного человека. Ты осознал свою ошибку?

Ринстер ткнул толстяка пальцем, тот ойкнул и, поняв, что требуется ответить, пролепетал:

– Осознал, милорд.

– И в чем она?

– Я не должен был идти с этим к милорду Иану. Я должен был прийти к вам.

– И если в следующий раз к тебе обратится какой-нибудь циркач, какой-нибудь воришка или еще кто-то, пытающийся украсть у меня и в моем городе, пойдешь ли ты к Ринстеру?

– Нет, милорд.

– Быть может, станешь беспокоить Кельга?

Антиквар посмотрел на гиганта, мучившего его, с ужасом.

– Нет, милорд. Только к вам.

– Урок усвоен, – выдал свое заключение средний сын.

– Теперь мы можем его разделать? – оживился старший.

Язев мог бы сказать, какого шаутта тогда он терял время на обучение мертвеца, но промолчал. Протянул руку, и Невек вложил в нее кинжал, рукоятка которого уже была предупредительно обмотана лоскутом ткани, пропитанной ароматом лаванды.

Талед Гор полузадушенно пискнул:

– Я всего лишь хотел проявить верность вашей семье, милорд!

– Заткнись! – прошипел ему на ухо Ринстер. – Виси и слушай, если не желаешь отправиться на ту сторону.

– Верность… Ты проявил свою верность. Моему сыну. Но теперь он мертв. А ты жив. – Язев Эрбет стал медленно приближаться к нему. – Я нахожу это обстоятельство очень печальным, а ты прекрасно знаешь, что случается, когда я опечален.

Ему не нравился смрад, который исходил от этого человека. Кельг прав. Действительно свинья. Но он, как всегда, преодолел себя – и перерезал ремни, удерживающие запястья антиквара. Тот мешком плюхнулся на пол, рыдая от облегчения, пытаясь подползти и поцеловать ботинок.

Невек пресек эти поползновения, встав у него на пути.

– Ты жив только благодаря моей милости. Не забывай это, Талед. Второй раз я такой ошибки не прощу. И ты и вправду кончишь как свинья на бойне. Убирайся из моего подвала.

Не слушая захлебывающихся благодарностей, он направился прочь, сказав по пути Невеку:

– Верни этому слизняку одежду и вышвырни прочь.

Возле лестницы Ринстер подошел к отцу, подал ему руку, и тот оперся на нее, начав подъем на первый этаж. К началу каждой осени колени милорда Эрбета ныли и напоминали тому о преклонном возрасте. Он ненавидел свой недуг и принимал его как пытку, посланную ему Шестерыми непонятно за что.

– Стоило ли его отпускать? Надо было прикончить хряка! – прогудел Кельг с совершенно детской обидой. – Это было бы уроком для всех.

– Вот поэтому после моей смерти решать, что делать, будет Ринстер, а не ты! – жестко произнес Язев.

Он увидел, как окаменело лицо старшего сына от этого напоминания. Вздохнул. Подошел к великану, жестом приказал наклониться, взяв его голову обеими руками, притянул

к себе и, забыв о грязи, поцеловал в лоб.

– Я люблю тебя. Ты мой первенец. Но что поделать, если тебе досталась вся сила и безрассудность, а Ринстеру… – Он не стал говорить «ум», хотя очень хотелось. – Ринстеру досталась осторожность и расчетливость. Ты – щит и топор нашего рода. Но если тебе дать волю, то ты порубишь всех, до кого дотянешься. Будешь править среди трупов, а мертвецы не могут платить деньги, служить и выполнять приказы.

– Я не собирался рубить всех. Только антиквара.

Язев терпеливо вздохнул и потрепал отпрыска по щеке, прежде чем отпустить:

– Когда ты убиваешь оленя в моем лесу, то кидаешь мертвую тушу в середину стада?

– Нет. Иначе они разбегутся и долго не появятся на этом месте.

– Вот так же с людьми. Талед не нищий и не тот безымянный прохожий на тракте, которого ты задавил лошадью семь месяцев назад. Антиквар богат, верен нам в силу своего умишки, и нет явных причин для его смерти.

– Иан мертв. Разве это не причина?

– У Иана ветер был в голове! – вспылил старик. – Он был дураком! Шауттом взятым дураком! Эти безудержные пьянки и шлюхи свели его в могилу!

Он перевел дух и сказал уже гораздо спокойнее:

– Но мальчик был моей кровью и плотью. Он мой сын, так же как и вы оба, а я не позволяю убивать моих детей

безнаказанно.

Язев вошел в большой обеденный зал, сел за стол, накрытый ослепительно-белой скатертью, все еще хмурясь, хлопнул в ладоши. Появились тихие слуги, поставили перед ним чашу с горячей водой, и он вновь вымыл и вытер руки. Затем придирчиво осмотрел нож и фужер, выискивая на них грязь и разводы.

– Мне только фруктов. Ринстер ничего не будет. Кельгу пива. Несите сразу две кружки, чтобы не бегать у меня перед глазами сто раз.

Пока накрывали, хозяин Тавера сказал, обращаясь к силачу:

– Жестокость – это хорошо. Я не против нее. Но в свое время. И когда меня не станет, об этом времени предупредит тебя Ринстер. Самое глупое, что вы сможете сделать, – это переругаться из-за того, чья задница должна сидеть на моем стуле. Я обоим желаю добра, но друг без друга вас порвут на части. Или Марки, или Веонты. Или люди герцога. Потеряете все. Понимаешь, Кельг?

Старший сын хмуро кивнул:

– Ты же знаешь, отец, что я не против. Деньги Ринстер считает лучше меня.

– Вот и хорошо. Тебя должны бояться, но знать, что ты не станешь ломать им черепушки без веской причины. Люди – это воск. После того как вы мнете его, они должны стекать к вашим ногам и благодарить за ту боль, что вы им на-

носите. Ну, теперь я вас слушаю.

Братья переглянулись, и Ринстер неохотно произнес:

– Обрадовать тебя нечем. Акробата пока не поймали.

– А владелец цирка?

– Кельг был очень убедителен, так что я с чистой совестью могу сказать, что тот ничего не знает, отец. Этот Тэо сбежал из его цирка в ту ночь, когда погиб Иан. Подбивал остальных артистов на бунт, пытался украсть деньги.

Язев скривился:

– Вся эта артистическая мразь годна лишь для увеселения черни. Воры, убийцы и жулики. Я говорил тебе, Ринстер, нельзя было отпускать цирк. Они могли что-то знать!

Тот помолчал, затем нейтрально произнес:

– Ты вроде доверяешь моему мнению. Никто не знает, где акробат.

– По роже Кельга видно, что он бы поспорил с этим утверждением.

– Могу отправить людей вдогонку. Они вернут их.

Милорд Эрбет сунул в рот виноградину, прожевал:

– На кой Скованный мне толпа клоунов? Нам нужен один канатоходец.

– Ты действительно считаешь, что именно он убил Иана?

Язев под взглядом сыновей выпил воды, промокнул губы салфеткой:

– Нет. Я так не думаю. С Ианом был Лок. А его готовил Невек. К тому же один плясун на веревке, даже самый лов-

кий, не справится со всеми. Видели, во что превратились тела? Там был кто-то еще. Акробат, вне всякого сомнения, замешан. Но мне нужен не только он. Все, кто это сделал. Поэтому так важно привезти его ко мне живым. Увеличь награду за его голову.

Кельг недовольно поерзал на стуле, но перечить не стал, хотя по его виду было понятно, он и так считает цену порядком завышенной.

– Его уже может не быть в стране, а мир большой, отец.

– Угу. Но в нем полно людей, которые любят деньги. И пока мы трое живы, сотни тех, кто зарабатывает мечом, в лепешку расшибутся ради семидесяти марок золотом. Что, Давек?

Последний вопрос был обращен к невысокому крепышу при мече, который вошел в обеденный зал. Начальник охраны милорда поклонился:

– Ваша милость, у дверей человек. Говорит, что желает видеть вас. Это по поводу циркача.

– Он привез его? – Пальцы Язева впились в подлокотники кресла.

– Нет. Но говорит, у него есть сведения.

– Впусти его. Однако предупреди, что, если он собирается водить меня за нос, я спущу на него собак.

Давек помялся, и господин Эрбет, заметив это, в раздражении спросил:

– Ну?! В чем дело?!

– Мутный он какой-то, милорд, – неуверенно произнес тот.

Несколько секунд висела звенящая тишина, так как Давек был не из тех людей, кто тревожится понапрасну.

– Я жажду подробностей.

Было видно, что начальнику охраны неловко.

– Он на первый взгляд не выглядит подозрительным, милорд. Приехал один. Из оружия только кинжал. Вежлив и хорошо одет. Как видно, из благородных. Но что-то в нем не так. Что – не знаю. Это просто чувство.

– Он местный?

– Нет. Точно не человек Марков или Веонтов. Кажется, из Савьята.

– За золото можно подкупить хоть чернокожего из Ума, – промолвил Язев. – Давек, пусть твои ребята возьмут арбалеты, встанут на верхней галерее. А ты сам проводи его к нам.

Кельг взял топор, отошел от стола к окну, встал так, чтобы быть в шаге от двери. Средний сын остался на месте, посмотрел на отца:

– Думаешь, будут неприятности?

– Нет, – сказал Язев Эрбет. – Но только глупцы пренебрегают щитом в бою.

Двое стражников в платьях слуг вышли на верхнюю галерею, держа арбалеты так, чтобы их не было видно снизу.

Давек появился почти сразу же после стрелков. За ним

следовал незнакомец. Язев, потягивая из фужера воду, внимательно следил за незнакомцем.

Гость был высок, худощав и смугл, словно представитель морского народа лавов, проводящих всю свою жизнь на кораблях. Но к презренным морским бродягам этот человек явно не относился. Не та походка, не то поведение, не тот взгляд. Да и лавы обычно малы ростом и широки в кости.

Глаза у гостя оказались ярко-голубыми, необычными для столь смуглой кожи. Черные брови, жесткая складка губ, прямой породистый нос. Волосы по традициям савьятцев были собраны в хвост, и в них вплетена белая узкая лента. На висках уже появилась седина, но милорд Эрбет затруднялся сказать, сколько человеку лет.

Могло быть и двадцать пять, и сорок.

Одно точно – он не проходимец с большой дороги и не наемник. По кольцам на пальцах, дорогой одежде и манере держаться сразу понятно, что перед ним благородный. Оставалось лишь подумать, что Давек зря развел панику.

Гость прошел мимо Кельга, который был выше его на полголовы, даже не посмотрев на силача и его оружие, остановился в десяти шагах от стола. Легко поклонился.

Поклон тоже говорил о многом. Он был вежливым, но отнюдь не заискивающим. Приветствие равному. Во всяком случае, пришедший считал господина Эрбета таковым.

– Милорд Эрбет. Спасибо, что уделили мне время. – Голос у него был чистый, с легким акцентом южанина. – Меня

зовут Шрев. Позвольте выразить вам соболезнования в связи с трагической смертью вашего сына.

Язев кивнул, отмечая про себя, что мужчина назвал лишь свое имя. Вряд ли это была небрежность, благородные так не поступают, а следовательно, это не ровня.

– Ты сказал, что у тебя есть информация о циркаче, которого я разыскиваю.

Тот улыбнулся:

– Я представляю деловых людей с юга, милорд…

– Деловых людей? – перебил его влезший Кельг. – Торгашей, что ли?

Шрев ничуть не удивился, что его прервали, улыбнулся даже весело, отвечая великану:

– Торгашей? Именно так, милорд. Какое-то время назад один из наших работников обманул моих нанимателей. Сейчас я пытаюсь найти его и вернуть домой, пока дело не пострадало еще сильнее. К сожалению, я потерял следы мошенника в Варене. Последнее, что я знаю, – беглец встречался с акробатом, которого вы разыскиваете.

– У тебя точные сведения? – спросил Ринстер.

Еще один поклон:

– Вне всякого сомнения, милорд. Встреча случилась в маленьком городке, на постоялом дворе. Об этом мне рассказали охотники за головами, которых нанял ваш достопочтимый отец. К сожалению, артист обставил их и сбежал.

Язев Эрбет, который потерял интерес к человеку и чужим

проблемам, все же не смог не заметить:

– И что же заставило наемников разговаривать с тобой? – В его тоне уже чувствовалось легкое пренебрежение. Он никогда не любил торговцев, их жадность и продажность.

– О, милорд. Возможно, обстоятельство, что я умею быть обходительным и располагаю людей к себе. Они были очень любезными. И теперь я подошел к цели моего визита. Охотники мало что смогли мне рассказать о циркаче, так досадившем вам, но, когда мы расставались, назвали ваше имя. И я был бы очень обязан вам, милорд, если бы вы смогли рассказать мне об этом человеке чуть больше того, что он акробат. Уверен, эти сведения помогут в моем деле, и я пойму, отчего мошенник, которого я ищу, связался с ним. В свою очередь, могу пообещать, что если я в своих исканиях встречу циркача, то тут же отправлю его вам, с моими бесконечными благодарностями и заверениями в дружбе.

Язев Эрбет скривился:

– Благодарность помощника купца – это верх моих мечтаний. Уверен, моя семья справится с поимкой преступника и без вашего содействия. У меня нет времени рассказывать о мерзавцах всем желающим. Но так как вы были вежливы, Давек проводит вас к выходу и поведает все, что знает.

Шрев лучезарно улыбнулся:

– Милорд, это крайне любезно с вашей стороны. У меня осталась единственная просьба, если позволите. – Он не обратил внимания, что взгляд у хозяина Тавера стал ледя-

ным. Тот не терпел, когда всякие проходимцы сперва просили медный улт, а получая его, требовали уже золотую марку. – В городе ходят слухи, что ваш сын покупал у циркача какую-то древнюю реликвию. И что там произошло нечто странное. Кое-кто говорит, что даже темное.

Улыбка мужчины говорила, что в эту нелепую чушь он не верит ни секунды.

– Мои наниматели интересуются вещами прошлой эпохи. И хотели бы купить ее у вас.

Кельг, видя каменное лицо отца и безошибочно понимая, что это означает, в предвкушении пошевелился.

– Деньги? У меня и самого их достаточно. Если какой-то пузатый торгаш пряностей что-то хочет купить, пусть заглянет в лавку к конкуренту. Я не занимаюсь торговлей!

Шрева это не смутило.

– Поверьте, милорд. Цена вас полностью удовлетворит, и вы не пожалеете.

– Эта безделушка нужна мне, как шаутту свет. Но из-за нее погиб мой сын, поэтому она не продается. Давек, проводи его.

Человек, сохраняя улыбку на лице, произнес:

– Сожалею, милорд. Но мне приказано не уходить без этой вещи. Возможно, именно она заинтересовала нашего сбежавшего работника, поэтому он и свел дружбу с вашим акробатом. Поверьте, мне очень совестно, но я вынужден настаивать обдумать мое предложение.

На скулах Язева выступили красные пятна:

– Убирайся вон, пока я не натравил на тебя собак!

– Это довольно невежливо, милорд. – Тот и с места не сдвинулся и не обратил внимания, что Давек встал у него за спиной. – Разве гость не священен в вашем доме? Неужели какая-то безделушка положит конец нашей дружбе и сотрудничеству? Стоит ли она неприятностей?

– Дружбе? Сотрудничеству? Кем ты себя возомнил?! Давек, Невек, вышвырните эту падаль! И пересчитайте ему ребра, чтобы знал, с кем говорит!

Начальник охраны положил лапу на плечо наглеца, но Шрев, стремительно обернувшись, ткнул стражника двумя пальцами в левую часть живота, и тот рухнул как подкошенный.

На секунду все замерли, не веря в случившееся.

– Убить! – взревел Эрбет, вскакивая на ноги. – Убить мерзавца!

Оба арбалета выстрелили одновременно.

Вихрь сорвал Ринстера со стула и швырнул в Кельга, сбив их обоих с ног. Столовые приборы, ножи, скатерть, фрукты взлетели в воздух, а в следующую секунду оба стрелка рухнули с галереи вниз, разбив черепа и забрызгав кровью и мозгом светло-серые плиты.

Шрев, сбив пылинку с рукава дорогой бархатной куртки, спускался по лестнице вниз.

– Милорд, я не понимаю вас. Я проявил к вам вежливость

и даже учтивость, несмотря на то что ваша физиономия была такой, словно вас третий день мучает запор. До самой последней секунды я предлагал все решить мирно. Мы все бы остались довольны. А что теперь? Посмотрите. Кровь, трупы, испорченная трапеза.

Больше он не улыбался.

Невек с обнаженным оружием бросился на врага, защищая господина. Взлетел и упал клинок, но Шрев встретил кромку лезвия кулаком, и меч разлетелся на десяток осколков, словно был изо льда, а не из стали. Спустя миг шея телохранителя хрустнула.

Кельг с ревом кинулся на убийцу со спины, и страшный топор грозно зашелестел, вспарывая воздух. Южанин, как видно находя забавной всю эту ситуацию, играл с нападавшим в смертельную игру. Казалось, что каждый раз страшное оружие должно было развалить человека на две половинки, но тот на долю секунды оказывался быстрее, кружась вокруг великана.

– Ты заплатишь! Ты! – ревел Кельг, брызжа слюной, вращая налитыми кровью глазами, пребывая в ярости.

– Я хотел заплатить! – смеясь ответил тот. – Но в твоем глупом папаше слишком много гонору.

– Ублюдок! Ты! Сдохни! Ты! – Каждый выкрик сопровождался очередным ударом.

Шрев перехватил топорище, опираясь на дальнюю ногу, сместил центр тяжести, опуская локти, заставляя Кельга

провалиться вниз, тут же сделал шаг, закручивая великана вокруг себя, словно тот был пушинкой.

Не удержавшись на ногах, старший сын Язева начал падать.

Прямо на страшное выпуклое лезвие. Он рухнул на него всем своим немалым весом, всхлипнул, когда превосходная сталь вошла ему в грудь, рассекая ребра, сердце и легкие.

Эрбет хотел швырнуть кинжал, но опустил руку, когда гость поднял с пола оглушенного Ринстера, вцепившись длинными пальцами тому в горло.

– Милорд, вы уже потеряли двоих сыновей, – сказал южанин. – Стоит ли доводить счет до трех? Где предмет, который я ищу?

– В соседней комнате. Статуэтка. В ящике, – выдавил тот, не сводя со своего отпрыска пустого взгляда. – Зачем тебе она? Она чего-то стоит?

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Мне просто стало любопытно.

– Просто любопытно? – прошептал старик, глядя на трупы.

– Ну да. Это мой порок, – ответил Шрев и сжал пальцы, слыша, как под ними хрустит кадык, а затем и позвонки.

И тогда Язев Эрбет, хозяин города Тавер, закричал.

Шрев склонился над парализованным начальником охраны, улыбнулся ему, словно родственнику, которого давно не видел.

– Рад, что ты меня дождался, друг. Твой покойный хозяин обещал мне, что ты расскажешь об акробате.

Разговор не занял много времени. Шрев завершил его, сломав человеку носовую кость, вогнав ее осколок глубоко в мозг. Вышел он из дома беспрепятственно. Слуги попрятались, на воротах никого не было.

Держа сверток под мышкой, он шел по наполненной народом улице, улыбаясь прохожим, подмигивая красивым девицам и с почтением уступая дорогу пожилым дамам. На перекрестке возле храма Шестерых рядом с ним появились двое, приноравливаясь к походке, пошли следом.

Он знал их обоих уже очень давно. Уроженец Фихшейза – толстяк с медовыми волосами, зелеными глазами и вечной полулыбкой на больших пухлых губах, и черноволосая, стройная как лань жительница Пубира.

– Что-нибудь узнали, учитель? – спросила она.

– Ничего из того, что бы мы не знали, Клеро. Он никто. Просто мимолетная встреча, как я полагаю. Не отвлекайтесь на него больше. Продолжайте поиски.

– А вы? – Толстяк проводил взглядом капитана городской стражи, проехавшего мимо них на прекрасной лошади.

– Появились дела в Карене. Держите меня в курсе, контролируйте ловчие группы.

– Неужели она планирует спрятаться в Варене?

– Хороший вопрос, Квинт. На Лавиани это не похоже. Надеюсь, скоро ты сам на него ответишь. Загоните ее в угол. А

когда это случится – убейте. Меня ждать совершенно необязательно.

– Вы можете на нас рассчитывать, учитель, – сказала Клеро.

В следующую секунду они растворились в толпе. А Шрев улыбнулся очередной проходящей девушке.

День выдался просто чудесным.

Глава шестая
Море Мертвецов

Стихии после Катаклизма капризны и коварны. Я родился в прошлую эпоху и доживаю отпущенные мне Шестерыми часы в нынешнюю. Среди темных времен, мрачных теней и синих огней, что часто озаряют улицы моего города ненастными ночами. И больше всего я боюсь не мертвых, а моря. Я помню его совсем другим, но теперь оно изменилось. Превратилось в чудовище.
Тенек Стерча, второй герцог нового Летоса. Арант. 80 год Эпохи Забвения.

– Что я делаю? Скованный, что я делаю? – произнесла Лавиани себе под нос, вспомнив Тэо, и проходящая мимо рыжая блохастая сука приподняла уши и вежливо махнула хвостом.

Темнело. Все спешили по домам или же в открывающиеся к ночи портовые кабаки.

Пограничный оказался настоящей дырой. Старые каменные дома, северные стены которых захватил лишайник, грязь, вперемешку с навозом лежавшая на дорогах. Городок расползся по долине среди низких обветренных сопок и был таким же унылым, как завтрак каторжника. Делать здесь было ровным счетом нечего, если ты, конечно, не планиро-

вал совершить какую-нибудь глупость, вроде путешествия на острова.

От порта осталось одно лишь название. Гнилая пристань с несколькими древними тазами, которые здесь отчего-то считались кораблями, да десятком плоскодонных парусных рыбацких лодок.

Из Пограничного раз в неделю уходили каботажные суда на юг, в Дарию. Вторая морская дорога вела в герцогство Летос, куда по понятным причинам обычно редко кто отправлялся. Лавиани их вполне понимала. Мало удовольствия находиться там, где тебе в шею в любой миг может вцепиться заблудившийся.

Будь ее воля, сойка обошла бы это безнадежное место кружным путем и забыла о нем навсегда, но так сложилось, что пройти мимо она не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.